

Ким Ынсук • Ким Суён из «Истории культуры»

18+

Король: Вечный Монарх

Сквозь время

더킹 • 영원의 군주
THE KING • ETERNAL MONARCH

Лучшие дорамы

Ким Ынсук

**Король: Вечный
монарх. Сквозь время**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

Ынсук К.

Король: Вечный монарх. Сквозь время / К. Ынсук —
«Издательство АСТ», 2020 — (Лучшие дорамы)

ISBN 978-5-17-137454-9

Миры Ли Гона, правителя Корейской империи, и Чон Тэыль, лейтенанта полиции Республики Корея, тесно переплелись друг с другом. Вот только что бы влюбленные ни делали, они все время расстаются. Путешествуя во времени, они постепенно узнают страшную правду: из двух двойников может существовать только один, иначе начнется хаос и целый мир может быть уничтожен... Теперь перед ними стоит задача не только защитить друг друга, но и предотвратить конец света. Тем временем их таинственный враг прячется в тени, готовясь нанести сокрушительный удар. Смогут ли Чон Тэыль и Ли Гон выжить в неравном поединке с судьбой и самим временем? Обретут ли заветное счастье? Теперь, когда почти все секреты прошлого раскрыты, осталась лишь одна тайна – кем был тот незнакомец, что спас Ли Гона в детстве. Вот только ответ на этот вопрос может разрушить все...

УДК 821.531-31

ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-17-137454-9

© Ынсук К., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1. Наше «сегодня» ценнее вечности	6
Глава 2. Иероглифы на мече	13
Глава 3. И начался хаос	17
Глава 4. Перед лицом печальной судьбы	21
Глава 5. Багряный Новый год	28
Глава 6. Рискуя жизнью	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ким Ынсук, Ким Суён

Король: Вечный монарх. Сквозь время

На основе сценария Ким Ынсук

*Считалось, что миры должны вечно быть единым целым,
параллельно развиваться и дополнять друг друга...*

#: ### ## 2

THE KING – ETERNAL MONARCH

NOVEL VOL. 2

By Kim Eun Sook, Story Culture Kim Su Yeon

Copyright © 2020 Kim Eun Sook, Story Culture Kim Su Yeon

All rights reserved

© ООО «Издательство АСТ», 2022.

Russian language edition arranged with RH Korea Co., Ltd. through Eric Yang Agency Inc.

© Ионова Ю.С., Этман О.С., перевод на русский язык, 2022

Глава 1. Наше «сегодня» ценнее вечности

Гон и Синджэ пристально смотрели друг на друга, во взглядах читалось подозрение. Однако Синджэ казался отстраненным: он стоял прямо перед Гоном, но мыслями был совершенно в другом месте.

– Ответь мне, ты помнишь что-нибудь еще, кроме плача? Может, какое-то место или человека? – спросил Гон.

Синджэ действительно кое-что помнил. И воспоминания эти преследовали его на протяжении долгих лет. Вместо имени Кан Синджэ в памяти сохранилось другое имя – Кан Хёнмин. Именно так его звала мама, когда со слезами на глазах сжимала сына в объятиях.

– Хёнмин, сыночек, давай умрем. Умрем вместе, и все закончится, – говорила она ему.

Синджэ не понимал, почему она хотела умереть. Пока бизнес отца не обанкротился, они с мамой жили счастливо в районе Пхёнчхандон. По крайней мере, ему так рассказывали. К тому же на фотографиях из детства он везде запечатлен счастливым, с широкой улыбкой на лице. Однако каждую ночь его мучил один и тот же сон, как мама в своей потрепанной одежде обнимает его посреди дороги и кричит, что они должны умереть вместе, после чего оставляет его в полном одиночестве на улице. Долгие годы Синджэ прокручивал этот момент в мыслях и задавался вопросом: «Бросила ли она меня или просто забыла вернуться?»

Воспоминаний из детства как таковых у него не осталось. Все, что случилось до болезни, было словно покрыто туманом. Вместо счастливых дней, проведенных с родителями, он помнил только, как остался в одиночестве на улице и увидел на асфальте большую тень, отбрасываемую высоким мужчиной. Однако, когда Синджэ очнулся в больнице, мама сидела рядом и плакала навзрыд оттого, что сын наконец-то пришел в себя. Поэтому он решил, что эти воспоминания – неправда и просто приснились ему. С тех пор его звали Кан Синджэ, а все воспоминания Кан Хёнмина превратились в сон. И все же ему пришлось долгое время проходить лечение у психиатра, потому что сны эти были слишком яркими и правдоподобными.

Но даже после терапии он продолжал слышать плач, исходивший из телевизоров в витрине, и видел как наяву колышущийся на ветру флаг с рисунком цветка сливы. Синджэ не мог понять, это сон, преследующий его всю жизнь, или настоящее воспоминание.

«Могло ли это быть воспоминанием из прошлого? Я действительно Кан Синджэ?» – подумал он.

– Помоги мне, а я взамен помогу тебе. Уверен, я, как никто другой, близок к тому, что ты ищешь, – проговорил Гон.

Гон протянул руку, однако Синджэ, которого уже всего трясло, резко оттолкнул ее. Страх овладел им: если все эти воспоминания – правда и его настоящая жизнь – та, что была до пробуждения в больнице, значит, все время, что он жил как Кан Синджэ, – фальшивка.

– Хочешь помочь? Тогда проваливай туда, откуда пришел. И прихвостня своего забирай. Еще раз попадетесь мне на глаза – арестую за незаконное ношение оружия, – угрожающе ответил Синджэ.

Сделав Гону и Ёну предупреждение, Синджэ развернулся и быстро вышел из номера. Ён собирался его остановить, но Гон помешал ему. От грохота захлопнувшейся двери содрогнулись стены.

– Не волнуйся. Он справится, он же детектив. И к тому же близкий друг кое-кого.

– Но Ваше Величество... – возразил Ён.

– Знаю, его сюда привел Ли Рим, как и того мужчину из подвала. Но, судя по тому, что он помнит только флаг с цветком, думаю, он попал сюда еще в детстве.

– Зачем Ли Риму приводить в Республику ребенка?

– Похоже, его целью были родители Синджэ. Либо те, что из нашего мира, либо те, что из этого.

– Я во всем разберусь здесь, пока вас не будет.

«Что он хотел получить, раз пришлось отправлять в другой мир ребенка?» – подумал Гон и задумчиво кивнул.

* * *

Мысли в голове Синджэ перепутались, ему сложно было переварить полученную информацию и взять себя в руки. По привычке ноги сами понесли его к дому Тэыль. Синджэ вспоминал, как в юности, проходя мимо него, впервые увидел Тэыль. Она сидела на подоконнике и всем своим естеством будто источала свет, и это было полной противоположностью его собственной жизни – темницы, куда не проникал ни единый луч. Именно из-за Тэыль Синджэ решил заниматься тхэквондо: он хотел проводить с ней больше времени.

Однако в те годы у его семьи были финансовые трудности и множество долгов и он не мог позволить себе оплачивать занятия, но отец Тэыль нашел для него выход. Синджэ начал ходить на занятия по тхэквондо, и в его темнице забрезжил лучик света. Жизнь постепенно менялась, черная полоса наконец-то закончилась. Ему по-прежнему снились кошмары, где он слышал плач матери и незнакомого ему ребенка, но он стал видеть и прекрасные сны. И все благодаря Тэыль.

Послышался звук шагов спускающегося по лестнице человека. Синджэ поднял голову и увидел Тэыль.

– Зачем позвал на улицу, холодно же? Пойдем... – начала было Тэыль, но Синджэ прервал ее.

– Пару часов назад я встретил Ынсопа. Только это был не он.

Лицо Тэыль застыло от удивления. Синджэ, притворно усмехнувшись, спросил:

– Так ты знала?

Тэыль не было необходимости отвечать на этот вопрос. Они с Синджэ уже не первый год знакомы, поэтому он сам все понял по выражению ее лица.

– Как много тебе уже известно? – спросила Тэыль.

– А ты! Сколько, черт возьми, знаешь ты? Когда говорила про научную фантастику, то имела в виду того парня? Правда веришь его рассказам?

– Да, верю, – немного помолчав, ответила Тэыль.

Синджэ на мгновение потерял дар речи. В ее словах не было и тени сомнения.

«С самого начала здесь было что-то неладно», – подумал Синджэ, когда вспомнил ошивавшегося во дворе дома Тэыль мужчину. После встречи с этим типом Тэыль изменилась, хуже того, он стал вмешиваться в жизнь Синджэ, отчего тот начал сомневаться во всем, даже в том, что провел столько лет бок о бок с Тэыль.

– Почему? Почему ты веришь ему?! Чему ты веришь? – прокричал Синджэ. Сердце его разрывалось от боли.

– Я верю всему, что он говорит. Я постараюсь тебе все объяснить, но мне действительно нужна твоя помощь...

Тэыль не успела договорить. Лицо Синджэ выглядело так, будто его мир разрушен до основания. Впервые он просто развернулся и ушел прочь. Тэыль беспомощно смотрела ему вслед, не зная, как его остановить.

* * *

Впереди лежало широкое поле с грунтовой дорогой посередине. Вокруг ни души, только птицы кружат в небе. Идти дальше не было смысла. Тэыль нахмурилась, глядя на карту в телефоне.

– Адрес верный, – заговорила она, – но, думаю, его указали намеренно, чтобы скрыть настоящий. Она хорошо спряталась, потребуется много времени, чтобы ее найти.

По этому адресу была официально зарегистрирована Сон Джонхе, биологическая мать Ли Джихуна – двойника Гона в Корейской Республике. Глядя на солнце, клонившееся к закату, Гон без тени разочарования ответил:

– Сказать по правде, на большее я и не рассчитывал. Зато теперь благодаря тебе я полностью уверен в двух вещах. Во-первых, Сон Джонхе заодно с Ли Римом. И во-вторых, безумно приятно выбраться куда-то вместе с тобой, пусть даже по работе. Да хоть на край света.

– Тебя где-то учили таким фразочкам?

– А вот и нет, я гений-самоучка.

– Теперь понятно, почему все... – громко хмыкнув, Тэыль резко замолчала.

– Изменяют? – шутливо подколот ее Гон.

Слова Гона застали Тэыль врасплох.

Она хлопнула его по спине и возмущенно воскликнула:

– Да ты с ума сошел!

– Думаешь, это нормально – вот так меня бить?

– Я хотела сказать, что именно поэтому тебя и любят придворные. Ты можешь пошутить, когда всем тяжело, и поднять настроение. У нас слишком мало времени, чтобы думать о плохом, – вот мое мнение.

Он обнял ее при первой же их встрече и, прежде чем Тэыль смогла полностью принять его в свою жизнь, предложил ей руку и сердце. Поначалу приходилось нелегко, но теперь не было на свете никого ближе, чем Гон и Тэыль.

– А ты о многом подумала за столь недолгое время.

– Зачем ты так шутишь? – печально произнесла Тэыль.

Гон немедленно извинился:

– Потому что только я могу так шутить. Прости, не ожидал, что напугаю тебя.

– Я даже не знаю, как тебя утешить. Я нашла любимого, но ему пришлось столкнуться с предательством, – Тэыль подавленно замолчала.

Тэыль была убита горем. Ее душевные терзания тронули Гона. У многих сердце разрывалось от переживаний о нем, но Тэыль была первой, кто от негодования шлепнул его по спине. И ему понравилось такое отношение.

Гону стало немного неловко, и все же он не мог не отметить, что Тэыль выглядит еще милее, когда грустит. Она надула губы, и он слегка улыбнулся, глядя в ее ясные искренние глаза, источающие свет:

– Тяжело тебе пришлось из-за меня. Это оттого, что у Сон Джонхе лицо моей матери? Да?

– Решила, что ты захочешь ее увидеть.

– Вообще нет. Может, эта женщина выглядит как моя мать, но это не она. Взять, к примеру, Ёна и Ынсопа: они похожи, но это два разных человека. Лицо – это только внешность.

Тэыль взглянула на Гона, будто подтверждая верность его слов, и вновь заговорила:

– Тогда позволь тебя спросить. Как ты на самом деле перемещаешься между мирами? Ты и Ли Рим.

– До сих пор я отвечал на все твои вопросы, так будет и впредь. Но этот оставлю без ответа.

– Ладно. И все-таки это действительно твои первые отношения?

Вопрос застал Гона врасплох. Он отвернулся и направился к припаркованной на дороге машине.

– На это я тоже не стану отвечать. Пойдем отсюда. Как-то внезапно похолодало, не находишь?

– В моем мире мужчина обязан держать свое слово, но у вас, кажется, о таком и не слышали.

– А, так вот, значит, как у вас заведено, – с напускным простодушием ответил Гон, делая вид, что ничего не понимает.

Тэыль догнала его и решительно преградила дорогу. Гон серьезно и с интересом посмотрел на девушку: с какой легкостью она задает подобные вопросы и при этом выглядит такой очаровательной! Но Тэыль еще не закончила.

– Кто та девушка, для которой ты готовил рис со стейком?

– Я думал, ты хотела задать только один вопрос.

– Ты на него не ответил.

– Я учился в Военно-морской академии. Ты единственная женщина в моей жизни.

Тэыль шла спиной вперед, лицом к Гоню, ветер подхватывал и развеивал их волосы. Их нежные чувства друг к другу облаком парили вокруг.

– А ты за словом в карман не полезешь.

Тэыль, пятясь, не заметила на дороге камень и едва не споткнулась, но Гон вовремя среагировал и ухватил ее за талию.

– Это просто у тебя нет чувства юмора.

– На тебе отлично сидит военная форма, ты в ней выглядишь сногшибательно, – сказала Тэыль и, взяв Гона за руку, повела вперед.

– Зачем за руку схватила?

– Ты готовил рис со стейком для Ку Сорён? Только не говори, что делал это в форме.

Тэыль была рада услышать, что она единственная девушка в жизни Гона, но не прекратила задавать вопросов.

Не выдержав, Гон громко рассмеялся и шутливо сказал:

– Я сначала промыл рис, а потом надел форму.

– Помнится мне, ты говорил, что надеваешь ее только в самые ответственные моменты.

– Так и есть. Например, когда собираюсь сделать предложение любимой девушке.

– Для меня ты ее не надевал.

Тэыль остановилась и посмотрела Гоню в глаза.

– Я не мог, нужно было поспешить. Но это лучшее, что я сделал с тех пор, как пришел в этот мир. И я все еще жду твоего ответа. Да, к слову, история с Ку Сорён – просто выдумка.

– По-твоему, это предложение? Разве ты спрашивал, согласна ли я стать твоей императрицей? Просто поставил перед фактом.

– Так каков твой ответ? Выйдешь за меня?

Взгляд Гона был слишком серьезным. Тэыль не понимала, он и правда намерен жениться или просто шутит. Она едва сделала шаг назад, как Гон неожиданно обнял ее. Тэыль не пыталась его оттолкнуть, лишь наслаждалась моментом в его нежных и теплых объятиях.

– Ну так что, ты согласна выйти за меня?

– Если я откажусь, сегодняшний день будет у нас последним?

Сама того не подозревая, Тэыль словно ножом прошлась по сердцу Гона: от ее слов оно на мгновение остановилось.

Гон посмотрел на нее взглядом раненого зверя:

– Значит, ты отказываешься?

– Время еще не пришло.

Гон наклонился к Тэыль, будто так он мог лучше понять смысл сказанных ею слов. Девушка продолжила:

– Я много думала об этом и поняла, что просто хочу жить сегодняшним днем. Будто сегодня единственный день, когда можно побыть легкомысленными. Вот как мы должны жить. Понимаешь?

– Обычно в такие моменты пары клянутся в вечной любви... А мы будем жить одним днем?

На самом деле Тэыль тоже хотела вечной любви, как в сказках. Хотела быть счастливой и навсегда остаться в этих теплых объятиях. Хотела жить с Гоном в одном мире, но прекрасно понимала, что ее мечты несбыточны.

– Именно. Завтра для нас не существует. Пусть наше сегодня длится вечно.

Сделав вид, что не замечает боли в глазах Гона, Тэыль решительно подняла руку, сжимающую его ладонь.

– Вот почему я взяла тебя за руку: не хочу терять ни минуты.

И оба они думали лишь об одном: «Надеюсь, что пути, по которому нам суждено идти вместе, не будет конца!»

* * *

Запах вкусной еды разносился по частной резиденции премьер-министра. Сорён только недавно вернулась с работы и застала дома свою мать. На столе уже стояло множество различных гарниров. Садясь за стол, уставленный едой, Сорён слегка нахмурилась: ей не понравился выцветший вязаный шарф на шее матери.

– Я столько одежды тебе отправляла, почему ты ничего не носишь? – заговорила Сорён.

Сорён часто задавалась вопросом, как у такой матери могла родиться такая дочь. Им обеим были свойственны жадность и упертость, но у матери эти качества проявлялись иначе. Казалось бы, теперь, когда дочь стала премьер-министром, она могла бы расслабиться и позволить себе роскошь, но нет.

– Не трать деньги зря. Я не носила дорогую одежду, даже когда была замужем за богачом.

– Это было сто лет назад.

– И то верно. Я вот тебе немного рыбы принесла.

Когда мама пошла собирать посуду, Сорён макнула палец в один из гарниров. Солонятая приправа пришлась ей по вкусу.

Облизывая палец, Сорён внезапно спросила:

– Мам, ты правда не присылала мне газету?

– Солёная же, ешь с рисом. Ничего я тебе не присылала. А что за газета?

Казалось, она действительно не понимала, о чем речь. И в прошлый раз, когда Сорён задала этот вопрос по телефону, мама ответила, что ничего не знает. Это было как раз в тот день, когда она поехала в тюрьму, чтобы встретиться с Луной. После разговора с ней Сорён почувствовала себя грязной во всех смыслах этого слова, а вечером ей доставили еще одну фальшивую газету. Содержание ее было сомнительное, но оттого, что она пришла от имени родной матери, было особенно не по себе. Сорён на мгновение нахмурила брови. Ее мама поставила на стол миску с рисом и разложила приборы.

Взяв ложку, Сорён покачала головой и сказала:

– Ладно, забудь. Должно быть, произошла ошибка в офисе секретаря: через него столько корреспонденции проходит. Ты сама как, дома все хорошо?

– Все как всегда, сама знаешь. Вот только мне интересно... По поводу Ли Рима. У него не было внебрачных детей?

Вопрос прозвучал так внезапно, что Сорён снова положила ложку на стол, так и не приронувшись к еде. Убийство императора двадцать пять лет назад стало шоком для всех и оставило неизгладимый след в памяти.

– Не говори глупостей. Он умер через год после той истории, и у него не было наследников.

– Вот как? Один покупатель как-то забыл у меня в магазине зонт и на днях пришел его забрать. Он выглядел ну в точности как Ли Рим в те годы. Вот я и подумала: может, у него остался сын.

Поразмыслив, Сорён отыскала старый школьный учебник и показала матери фотографию Ли Рима. Мать стояла на своем: тот покупатель выглядел точно так же. Она и сама прекрасно понимала, что не стоит нигде и никогда поднимать эту тему, она даже по телефону не стала о подобном спрашивать, однако Сорён все равно предупредила ее:

– Мам, если будешь об этом везде болтать, огребешь проблем. У императорской семьи все еще нет наследника, а ты тут про бастарда изменника говоришь? Если тебя поймут на распускании подобных слухов, мне конец. Не забывай, что твоя дочь – премьер-министр этой страны.

Сорён все верно подметила. Мать в ужасе принялась судорожно отнекиваться:

– Ты что, я никому не говорила об этом. Только тебе. Я точно никому не скажу, честно.

Мать застыла с глупым выражением лица и в полной растерянности. Сорён покачала головой. Как бы ей ни хотелось отведать вкусных маминых гарниров, она не могла: кусок в горло не лез. В голове крутилось несколько кусочков пазла, который все не получалось собрать.

Сорён вспомнила о своем бывшем муже, председателе «Кей-ю групп» Чхве Бисоне. Известный в своих кругах лоббист, он помог Сорён подняться до поста премьер-министра страны и сохранить за собой эту должность. Недавно он просил Сорён о встрече. Чхве Бисон максимум разве что начнет уговаривать выпустить его из тюрьмы по специальной амнистии. Сейчас она единственная, с кем он может поговорить. А Сорён знала, что по части тайных дел нет никого лучше «Кей-ю групп».

Она чувствовала: есть что-то общее между отправителем газеты и участниками заговора двадцатипятилетней давности.

* * *

Сбоку на наручных часах выступала маленькая головка – деталь заводного механизма. Ли Рим, проведя рукой по шероховатой поверхности головки, толкнул защелку внутрь, после чего секундная стрелка начала двигаться. Послышалось мерное непрерывное тиканье: тик-тик, тик-тик, тик-тик. Установив время, Ли Рим положил часы во внутренний карман и посмотрел в окно.

Чоёль, сидевший на водительском сиденье, через зеркало заднего вида посмотрел в глаза Ли Риму и сказал:

– В хоспис навевдалась полиция.

Внешне Ли Рим сохранял спокойствие, однако новость не осталась неслышанной: на лбу его проступила морщинка. Лицо Чоёля в отражении зеркала выглядело немного разочарованным.

– Мы обо всем позаботились, проблем возникнуть не должно, вот только Чан Ёнджи влипла в неприятности: она попала в аварию и сейчас сидит в следственном изоляторе. Я отключил телефон, который вы ей дали, и пытаюсь вытащить ее на свободу. И еще...

– Как, это еще не все?

– К сожалению... Этот придурок Ким Гихван куда-то пропал. Его мы тоже пытаемся найти.

Ким Гихван владел рестораном, где подавали пудэччигэ, и внезапно он исчез. Проблем у Чоёля все прибавлялось и прибавлялось. Спокойствие Ли Рима улетучилось, теперь он смотрел на своего подчиненного свирепым взглядом. Он подумал о флейте, которая волей судьбы сломалась пополам.

«В вещах, которые раньше были целыми, образуются трещины», – подумал Ли Рим.
– Трещины... Как же я их ненавижу, – проговорил он вслух.

Двадцать пять лет Ли Рим провел в ожидании, готовясь к триумфальному возвращению. И вот он здесь. Зловещим взглядом он окинул проносящиеся за окном просторы.

Глава 2. Иероглифы на мече

2,7182818284590452353602874713526624977572470936...

Сегодня снова остановилось время. Когда все вокруг замерло, Гон принялся считать. С тех пор как он впервые заметил подобное явление, паузы длились все дольше и дольше. Гон вмиг пересек комнату, освещаемую одной настольной лампой, – и вот уже его длинная тень нависла над столом, на котором лежал телефон. Тот самый 2G-телефон, который ему отдал владелец ресторана Ким Гихван. На него так никто и не позвонил. И вдруг Гон подумал о Ли Риме: только от него Ким Гихван мог получить этот телефон.

– Дядя, – тихо произнёс Гон, и воспоминания из детства ожили в его памяти.

Однажды, когда Гон сидел в зале Чхонджонго и рассматривал меч отца, подошел Ли Рим и спросил, известно ли ему, что означают выгравированные на мече иероглифы. Гон рассказал все, что знал о мече, и Ли Рим любезно объяснил ему, что кое о чем тот запомнил. Уже тогда на лице Ли Рима можно было разглядеть черную тень: в его голове уже зрела мысль о заговоре с целью убить этим самым мечом своего сводного брата и завладеть всем миром.

Его мысли прервал долгожданный звонок. Номер звонившего, конечно же, не определился. Гон поднес телефон к уху.

«Небо дарует жизнь, а земля – укрепляет дух. Луне подвластны морские приливы, а рекам – очертания гор. За вспышкой молнии грохочет гром. Искорени злые умыслы, прислушайся к здравому смыслу и борись за справедливость», – гласила надпись на мече.

Это было призвание императора. Гон помнил, как в тот день, когда они с дядей обсуждали значение этих иероглифов, Ли Рим спросил:

– Ваше Высочество, сможете ли вы справиться со своей миссией?

Текст, выгравированный на мече, Гон помнил наизусть, и, как только он поднял трубку, слова сами сорвались с языка.

«Что ж, – подумал Гон. – Во имя добродетели я искореню зло».

– Помнишь мой голос? А вот я твой – отлично.

Голос Гона был низким и тяжелым, от волнения он часто сглатывал слюну. Это была неожиданная для Ли Рима контратака от родного племянника, которого, как он и рассчитывал, смутил его ничуть не изменившийся за двадцать пять лет голос.

Ли Рим немного помолчал, а затем наконец произнес:

– Слушаю, мой дорогой племянник. Как твоё здоровье?

– Ты и в самом деле был жив все эти годы.

– Да, я жив и уже давно с нетерпением ждал этого дня. В прошлой жизни я не сумел воспользоваться возможностью, но в этой, будь уверен, не упущу свой шанс.

– Придется еще немного подождать. Я обязательно найду тебя, где бы ты ни был.

– Вы впервые заговорили как император, мой дорогой племянник. Приходите, я жду вас. Говорят, что существуют живые мертвецы, вот и попробуйте вернуть к жизни то, что давно умерло. Все будут в полном замешательстве. Не правда ли, захватывающе?

От злости Гон сжал кулак. Итак, Ли Рим жив. Но каковы его истинные намерения и где он скрывается? Он явно рядом.

«Он прячется где-то в республике!» – озарило Гона.

Он стиснул зубы и с угрозой произнес:

– Тебе придется спрятаться получше. Теперь я точно знаю, что ты в Республике Корея.

Ли Рим немедленно бросил трубку. Короткие гудки еще долго звенели в ушах Гона. Теперь он все понял. Когда сегодня остановилось время, Ли Рим переместился в Республику Корея. Если время остановится снова, это будет значить, что он вернулся в Корейскую империю.

* * *

Отражая подсветку моста, река бесцельно текла куда-то вдаль. Порывы ветра разносили вокруг слабый запах речной воды. Иногда даже зимой, пока не выпал снег, случаются теплые деньки. Сегодня был как раз один из таких, поэтому Гон и Тэыль решили встретиться и погулять у реки Ханган. Наступил четверг – время, когда Гон должен был вернуться в свой мир, поэтому Тэыль, снедаемая тоской, в попытке унять хандру выбрала свободный столик неподалеку и заказала доставку еды и напитков.

Вдруг что-то тяжелое опустилось ей на плечи. Тэыль обернулась: за спиной стоял Гон – это он укрыл ее своим пальто. Со счастливой улыбкой мужчина сел рядом с возлюбленной.

– А ты быстро нашел дорогу. Знаешь, это типичное место для свиданий. Должно быть, ты часто сюда ходил в своем мире, – подначила Тэыль. От одного взгляда на Гона ей становилось и радостно, и больно.

– Конечно, я тут бывал, – вздохнув, ответил Гон.

– Так и знала. И с кем же, если не секрет?

– С министром земли, инфраструктуры и транспорта, с его заместителем, с четырьмя секретарями, с мэром, с окружными главами Сеула и еще с...

– Ладно, я поняла, давай есть. В Корейской Республике парочки часто проводят время у воды.

– Ах, это сочетание! Обожаю. Алкоголь, звездное небо, река, жареная курочка и немного ревности. Что еще нужно для счастья? – игриво заметил Гон.

Он с бесконечной нежностью смотрел на Тэыль, не обращая внимания на холодный ветер с реки.

Тэыль же мучило беспокойство. Что, если у Сон Джонхе, сблизившейся с Ли Римом, будет лицо как у матери Гона? Какие тогда подобрать слова, как утешить человека, что в раннем детстве потерял мать, а в восемь лет и отца и в один день стал императором и сиротой?

Гон пытался успокоить Тэыль. Сон Джонхе не его мать, они разные люди, точно так же как Ён и Ынсоп. «Лицо – это только внешность», – говорил Гон. Он как мог утешал Тэыль и извинялся за то, что заставил волноваться.

Когда ты наедине с любимым, кажется, что время мчится с сумасшедшей скоростью. Гон еще не уехал, а Тэыль уже соскучилась. Желая подбодрить ее, Гон принялся за курочку.

– Хорошо питайся и набирайся сил, – пожелала ему Тэыль.

Гон ничего не ответил, лишь продолжил аппетитно хрустеть куриной ножкой.

– Ты вроде говорил, что принимаешь доклады о государственных делах каждую пятницу? Но сегодня четверг.

– Ты запомнила?

– И что это за условие такое? Ты в курсе, что парень из тебя так себе? – Тэыль поспешно перевела тему, пытаясь пристыдить Гона. – Я рискую получить выговор, передавая тебе следственную информацию. Но, думаю, ответ на эту загадку нужно искать в твоём мире.

Гон медленно перевел взгляд на папку с документами, которую ему внезапно протянула Тэыль. Это были материалы о деле убитого Ли Сандо – то самое дело, которое началось в день, когда Гон и Тэыль впервые встретились на площади Кванхвамун. При обыске в хозяйственном магазине, которым владел убитый, был найден телефон с записанными в нем новостями из Корейской империи. С этого и началось их совместное расследование.

Глаза Гона широко раскрылись, когда он увидел документы. Все встало на свои места. На фотографии было знакомое ему лицо.

– Это вопрос, ответ на который мне уже известен. Однажды я уже встречал этого человека.

– Ты виделся с Ли Сандо? Он жив и сейчас в Корейской империи?

Гон видел человека с фотографии на площадке для верховой езды. Его представили как сына мастера Ли Гуёна, который изготавливает конное снаряжение. Человек признался, что недавно принял решение не наследовать семейное дело. Гон быстро и внимательно изучил документы и положил их на стол.

– Я сам с этим разберусь. Окажи мне услугу. Нужно, чтобы Ён остался в этом мире, а Ынсоп поехал со мной в империю.

– Зачем это?

– Ли Рим сейчас в Республике Корея.

– Раз он здесь, разве тебе не нужно остаться и поймать его?

– Я не могу: нужно охранять проход между мирами. Его должны поймать именно в империи.

В Корейской империи Ли Рим навсегда был заклеен как предатель и изменник, а в Республике Корея человек с его внешностью официально числился мертвым. Даже если бы Тэыль удалось его поймать, по закону она не смогла бы никак его наказать. Выражение лица Тэыль резко ожесточилось.

– Вот почему нужно, чтобы Ён остался здесь: он единственный, кому дозволено убить его в твоём мире.

– Смотрю, дело о «живых мертвецах» – действительно важная часть твоей жизни.

«Измена» и «предатель родины» – эти слова, когда-то звучавшие словно издали, становились все ближе и ближе.

Гон нежно сжал руку Тэыль, оцепеневшей от холода и волнения, и с грустью произнес:

– Прости, что из-за меня на ваш мир свалилось столько неприятностей.

Сердце Тэыль отчаянно заколотилось. Гону грозила еще большая опасность, чем она себе представляла. Пододвинувшись к нему, она крепко обняла его.

– Я хотела сделать вид, что все в порядке... Но у меня не вышло. Ты же не надолго уезжаешь, да?

– Я вернусь так быстро, как смогу. Будто между Ханнамдоном и Итхэвоном¹ перемещаюсь. Ты даже соскучиться не успеешь.

Тэыль выглядела слабой и испуганной, и это разбило Гону сердце. Оно будто разлетелось на тысячи мелких кусочков без возможности снова их склеить. И Гон ничего не мог поделать, кроме как крепко сжать Тэыль в своих объятиях. Безысходность угнетала. Он успокаивал себя лишь тем, что однажды это закончится.

Гона грела надежда, что он сможет устранить Ли Рима в Корейской империи и все встанет на свои места.

* * *

Командир стражи Хопиль и несколько стражников в назначенное время быстро побежали в бамбуковый лес. Перед отъездом Гон приказал им в четверг вечером ждать его у входа в лес, чтобы дама Но меньше волновалась, ведь на пути до дворца могли подстергать опасности. Когда стражники прибыли на место, Гон и Ынсоп их уже ждали, а рядом, на коленях, связанный, стоял третий мужчина. Это был Ким Гихван, которого Гон поймал в Республике Корея.

– Ваше Величество. Капитан. – Хопиль почтительно поклонился Гону и Ынсопу.

То, что произошло внутри межпространственных ворот, было для Ынсопа как сон. Стражник, склонивший перед ним голову, поразил Ынсопа до глубины души.

Он вспомнил, что сказал ему Ён перед отъездом:

¹ Соседние районы Сеула. – Прим. ред.

– Как только окажешься там, сразу надень бронезилет. Это нужно не для твоей защиты, а для защиты Его Величества. Безопасность императора – твоя главная задача, даже если придется пожертвовать собственной жизнью. Ты меня понял?

Гон выглядел как настоящий император. А Ынсок стал капитаном гвардии – щитом императора, обязанным оберегать его любой ценой. Гон будто стал совершенно другим человеком.

Строгим голосом он отдал приказ охраннику:

– Этот человек участвовал в государственном перевороте. Заприте его в самой дальней камере дворца. И еще: я запрещаю когда-либо и где-либо упоминать о его существовании.

– Есть, Ваше Величество.

Гон бросил ледяной взгляд на скорчившегося от боли Ким Гихвана:

– Твой хозяин желал тебе смерти, но я приказываю тебе жить. Ты будешь коротать остатки своей никчемной жизни в подвале моего дворца. Уже не жив, но еще не мертв.

С кляпом во рту, Ким Гихван злобно смотрел на Гона:

– Если ты думал, что это конец, то ты очень сильно ошибся. Я только начал разбираться с предателями. Вас всех ждет суровая кара.

Гон словно метал ледяные стрелы.

Отвернувшись от пленника, он подозвал к себе Хопиля:

– Все, что я сейчас скажу, строго конфиденциально.

– Да, Ваше Величество.

– Во-первых, нужно выставить охрану вокруг бамбуковой рощи. Заступаете на дежурство с сегодняшнего дня и до получения моих дальнейших указаний. Брать под арест любого, кто оттуда появится. Особенно мужчин в возрасте около семидесяти лет. Во-вторых, принесите мне все записи с камер видеонаблюдения отовсюду, где я бывал в этом году. И как можно скорее.

С приоткрытым ртом Хопиль молча выслушал приказы императора, после чего осторожно спросил:

– Ваше Величество, почему приказы отдаете вы, а не капитан Чо?

– У Ёна будет задание куда важнее.

Ынсок, которому пришлось постричься, чтобы еще больше походить на настоящего Чо Ёна, припомнил обычную манеру поведения Ёна и попытался копировать ее. Выглядело немного неловко, но по-своему достойно. Хопиль чувствовал, что здесь что-то не так, но он четко соблюдал субординацию и не посмел бы задавать вопросы. Без лишних вопросов Хопиль поспешил исполнить приказ императора.

Гон не забыл дать инструкцию и Ынсопу:

– Ён, принеси свой ноутбук. Свой!

– Да, Ваше Величество, – ответил Ынсок.

Гон же отправился во дворец, чтобы подтвердить личность Ли Сандо. Как он и ожидал, дата убийства Ли Сандо из Республики Корея совпала с датой появления во дворце Ли Сандо из Корейской империи. Он, должно быть, решил отказаться от своей прошлой жизни, омраченной множеством карточных долгов, и получить новую в империи. А настоящий сын мастера амуниции был найден мертвым в Республике Корея.

Еще чуть-чуть, и Гон перестанет владеть собой, гнев рвался наружу. Слишком много людей нарушали установленный между мирами баланс и отнимали жизни невинных. И все из-за неумной жадности Ли Рима и его желания подчинить себе весь мир.

Гон приказал немедленно задержать Ли Сандо в его доме и полностью заблокировать ему контакт с внешним миром.

«Как далеко?.. Как далеко еще Ли Рим готов зайти?» – спрашивал себя Гон, и плечи его отяжелели под грузом возложенной ответственности.

Глава 3. И начался хаос

Годовой отчет о государственных делах – событие чрезвычайной важности, представлять его следовало императору лично, и Гоню пришлось без промедления вернуться во дворец.

О сне можно было не мечтать: Гоню предстояло два дня кряду работать с длинным отчетом, составленным премьер-министром. Ынсок, сдерживая зевоту, стоял в дальнем конце императорского кабинета и, хлопая сонными глазами, смотрел на Гона и Ку Сорён, которые трудились всю ночь не смыкая глаз.

Вид у императора был уставший, да и премьер-министр Ку, одетая неизменно с иголки, сегодня выглядела весьма помято, а из всегда безупречной прически выбивались непослушные волосы.

– Чтобы сохранить бюджет на образование, придется пересмотреть расходы на здравоохранение.

– Значит, другого выхода у нас нет? – Гон засучил рукава рубашки.

– Минфин предлагает урезать расходы на социальное обеспечение и увеличить финансирование технологического развития. Это в интересах нации. Что-то вроде закона сохранения массы, не находите?

– Здравоохранение и образование – законное право граждан. Это не обсуждается. Мы же можем использовать резерв в 5,2 триллиона вон на восстановление зон бедствия?

– Да, мы делаем все возможное, чтобы обеспечить людям из этих зон нормальную жизнь.

– Отлично.

– Путешественница беспрепятственно добралась до дома?

Рука Гона, перелистывающая бумаги, на мгновение замерла.

– Работа вам уже наскучила? Все хорошо, она вернулась к своей повседневной жизни.

Ответ был столь изящным и незамысловатым, что губы Сорён невольно растянулись в ухмылке: она вспомнила недавнюю встречу с Луной возле тюрьмы.

– Надеюсь, ей понравилось в Корейской империи.

В словах премьер-министра сквозила некоторая двусмысленность. Гон поднял глаза и посмотрел на Сорён, пытаясь понять, на что она намекает. Но мысли этой женщины, хорошей актрисы, прочесть было непросто, что заставило императора слегка нахмуриться.

– Ваше Величество, вы не собираетесь жениться? – продолжила Сорён.

На что Гон с нескрываемым недовольством ответил:

– Вы быстро меняете тему. С чего вдруг такой интерес? Хотите сделать мне предложение руки и сердца?

– А можно?

– Нет. Я уже кое-кому предложил пожениться. Что дальше на повестке дня?

Сорён всеми правдами и неправдами пыталась завоевать сердце императора, но в этот момент двери, ведущие к заветной цели, с треском захлопнулись буквально перед самым ее носом. Уже тогда, на вертолетной площадке, она интуитивно поняла: однажды Гон попросит руки этой девушки, но никак не ожидала, что это произойдет так скоро. Данный факт сильно ударил по ее самооценке, и, не в силах скрывать злобу, она с трудом перевела взгляд на лежащие на столе документы.

* * *

С бесконечно долгим отчетом о государственных делах расправиться получилось только к вечеру. Вернувшись в свои покои после долгого рабочего дня, Гон открыл ноутбук, стояв-

ший на придиванном столике, – это был компьютер Ёна, который принес Ынсоп. Временно исполняющий обязанности капитана дворцовой стражи осмотрел покои и убедился, что императору ничего не угрожает. Ынсоп буквально за один день смог адаптироваться к новому миру и жизни во дворце. Хотя императорские покои были обставлены довольно старомодно, интерьер все равно выглядел роскошно. Гон ухмыльнулся, когда его охранник, приоткрыв от удивления рот, взялся рассматривать антикварную мебель.

Гона радовал тот факт, что Ынсоп смог так быстро освоиться. Он беззвучно улыбнулся и снова сосредоточился на ноутбуке. Без пароля включить его было невозможно, и это стало настоящей катастрофой. Император никогда не устанавливал защиту на свой мобильный телефон и компьютер. Он и не подозревал, что ноутбук Ёна может быть под паролем, и уж тем более не имел ни малейшего понятия, как обойти защиту.

После нескольких попыток разблокировать ноутбук банальным набором цифр вроде номера социального страхования и даты рождения Гон сдался. Казалось, на этот раз он и вправду зашел в тупик. Но Ынсоп, как раз закончивший разглядывать покои, внезапно подошел и спросил:

– Может, я попробую?

Гон с сомнением взглянул на юношу: каким образом Ынсоп собирается подобрать нужную комбинацию, если даже самому императору это было не под силу? Но он все же ответил:

– Рискни.

В мгновение ока Ынсоп ввел нужный пароль. Гон, недоумевая, посмотрел на парня, но тот в ответ лишь пожал плечами и заметил:

– Это оказалось проще, чем я предполагал.

Гон был поражен: это потому, что у них одинаковая ДНК или же просто они стали очень близки, живя в Республике Корея? Но он быстро пришел в себя, когда Ынсоп принялся объяснять:

– В английской раскладке J – первая буква фамилии Чо Ёна – и тринадцать нулей. «Чо» звучит как «триллион» по-корейски. Все знают, что в триллионе двенадцать нулей. Ну а «Ён» звучит как «нуль». Добавляем к двенадцати еще один нуль, и получается «Чо Ён».

Гон криво ухмыльнулся и полностью погрузился в содержимое ноутбука. Спустя какое-то время он нашел файл, который искал, – видео под названием «Гостя». При его воспроизведении включались записи с камер наружного наблюдения. Губы Гона растянулись в довольной улыбке.

На размытом экране показалась Тэыль. С сияющими глазами, она сидела в трамвае и с любопытством разглядывала проплывавшие мимо пейзажи. Теплый зимний свет имперского солнца переливался золотистыми лучами в ее волосах, озарял улыбку, стоило девушке слегка повернуть голову. Подперев подбородок рукой, Гон любовался Тэыль на экране. Он представил себе, что девушка сейчас где-то здесь, в его мире.

– Я снова вижу нечто прекрасное, – восхищенно произнес император, вздыхая от любовной тоски.

На следующей записи она шла к дворцу Кёнбоккун. А вот уже с сияющей улыбкой бродит среди туристов, одетых в королевские наряды. Чуть позже Тэыль появилась на экране в облачении императрицы.

– Ух ты! – вырвалось у Гона при виде девушки в таком неожиданном образе.

Когда Гон попросил ее стать императрицей, Тэыль отказала, но ярко-красные одежды, расшитые золотой нитью, выглядели на ней просто великолепно. Похоже, она чувствовала себя в новом наряде некомфортно: то и дело поднимала и опускала руки, крутилась, рассматривая себя со всех сторон. Молодой сотрудник, видимо студент на подработке, предложил ей сделать моментальный снимок, и девушка мило улыбнулась в камеру. В этот момент Гона охватили

двойкие чувства: он был счастлив оттого, что рядом такая прекрасная Тэыль, и печален оттого, что скоро им предстояла новая разлука.

Разговор в тот день разбил Гону сердце. Тогда девушка сказала, что уже холодает, и занесла горшки с цветами ликориса со двора, поставив их на подоконник в своей комнате.

Тэыль была расстроена тем, что ни один росток не прорастет, как бы хорошо она ни ухаживала за ними. А Гон, подбадривая ее, тогда приказал: «Велю вам цвести и пахнуть в саду моей любимой девушки». Тэыль показалось забавным, что император раздает приказы цветку, она даже рассмеялась, но потом опять задумалась.

– А что с семенами, которые я посеяла в том странном месте? Они не проросли?

– Я же говорил. Там нет ни ветра, ни света, ни даже времени.

– Пробовал дойти до конца?

– Пробовал, но безуспешно. Я не могу оставаться в междумирье слишком долго. Один день в этом месте равен двум месяцам снаружи.

– Получается, пока ты там, то не стареешь?

– Даже если я смогу жить там вечно, я все равно вернусь к тебе. А если вдруг задержусь, помни: я уже в пути.

– Даже не думай приходить ко мне. Лучше давай вместе отправимся туда. Не только же тебе наслаждаться вечной жизнью.

Гон как-то болезненно улыбнулся и спросил, хотя знал, что она ему ответит:

– Ты можешь пойти со мной? Мне будет очень тебя не хватать. Разве нам нельзя просто жить вместе в моем мире?

– Добавляю еще одно правило к семнадцати: не проси меня пойти с тобой. Как мне бросить этот мир? Папу и Нари? Полицейский участок? Как я могу выбирать между вами?..

Когда-то они договорились, что Гон будет соблюдать семнадцать правил, установленных Тэыль. В тот раз она огласила лишь часть из них, и вот сейчас появилось новое.

Не только Гон был убит горем. Опустив глаза, Тэыль говорила незнакомым мрачным голосом, и это откликнулось новой болью в его сердце. Вместо извинений Гон быстро поцеловал Тэыль в губы.

– Что это было? Пытался заставить меня замолчать?

– Не тебя, а себя. Вместо лишних слов, которые я мог бы произнести, лучше просто поцелую. Таков закон Корейской империи...

Но не успел он договорить, как Тэыль нежно поцеловала его в ответ, а затем отступила.

– Я законопослушная гражданка. Служу букве и духу закона.

И двое, улыбаясь, слились в поцелуе, столь же прекрасном, сколь и горьком от грядущего расставания.

А теперь они, разделенные пространством и временем, не могут даже услышать друг друга.

«Настанет ли день, когда Тэыль с экрана монитора станет реальностью?» – думал Гон, не в силах отвести взгляд от улыбающейся девушки в наряде императрицы.

– Хорошо, если это будет так, – с грустью произнес он вслух.

Воздух был пропитан надеждой и одиночеством. С замиранием сердца Гон снова прокрутил видео. Во время своей прогулки по Корейской империи Тэыль попала на многие уличные камеры, и сейчас Гон был безмерно этому рад.

На одном из видео у входа в переулок перед книжным магазином играл с йо-йо мальчишка. Рядом стояло много цветочных горшков с распустившимися цветами. Когда Тэыль проходила мимо, ребенок неожиданно поднял голову. По спине Гона пробежал холодок: мальчик смотрел прямо на императора, будто поймал его взгляд. Гон пристально вглядывался в экран, не в силах отвести глаз от пугающего лица.

Мальчик отвернулся от камеры видеонаблюдения, словно действительно только что встретился взглядом с Гоном, опустил голову и потянул йо-йо за веревку. И тут на экране появилась черная туча.

Одновременно с этим за окном ударила молния. Бабах! Стекло разбилось вдребезги, а плечо императора обожгла страшная боль. Гон застонал и схватился за него. Скрипя зубами от боли, он решил перемотать видео и просмотреть его еще раз.

– Как такое возможно? Мне показалось?

На этот раз мальчик на видео не поднимал головы, а мирно играл с йо-йо возле магазина. Он заметил еще одну странность: при повторном просмотре одежда на Тэыль изменилась. Гон нахмурился и взглянул на вывеску: «Книжный магазин “Хэсон”». Он прочитал вслух дату, указанную в верхней части экрана:

– 27 мая 2022 года. Но как? 2022 год?

От удивления Гон еще раз все перепроверил.

«Интересно, может, ошибка?» – подумал он.

Но никакой ошибки не было, дата была все та же: 27 мая 2022 года.

– Что же это?

Понимая, что начинается хаос, император, словно замороженный, снова и снова нажимал кнопку воспроизведения видео, в котором было запечатлено будущее.

Глава 4. Перед лицом печальной судьбы

После работы Тэыль и Ён пошли проведать Нарю в кафе. После того как Гон вернулся в свой мир, не проходило ни дня, чтобы они не пытались отыскать хоть какой-то след Ли Рима. Тэыль бросила все силы, чтобы найти сотовый телефон Чан Ёнджи, а Ён искал причину, по которой Синджэ переместили из Корейской империи в республику.

Тем временем Синджэ взял оплачиваемый отпуск и без предупреждения куда-то уехал. Такой поступок очень беспокоил Тэыль. Она, не зная глубины его вовлеченности в это дело, наивно полагала, что Синджэ просто сбит с толку информацией о существовании двух миров. Не стоило ей вот так просто отпускать его той ночью, когда он искал в Тэыль поддержки.

Подойдя к стойке раздачи, Тэыль сразу же поинтересовалась у подружки, не видела ли она Синджэ в последнее время. На что Нарю ответила:

– Синджэ? Он давно не заходил. Вы разве с ним на работе не видите? С чего вдруг у меня в кафе искать?

– Секретная информация. Ладно, если вдруг появится здесь, набери мне, хорошо?

– Ладно, как скажешь. Кстати, Тэыль...

Нарю немного поколебалась, но, взглянув на Ёна, в итоге спросила:

– Тебе не кажется, что Ынсоп в последнее время какой-то слишком подозрительный?

«Конечно, как ему не быть подозрительным, это же Чо Ён, а не Ынсоп», – подумала Тэыль, но не стала произносить вслух.

Если не считать их абсолютной внешней идентичности, это были два совершенно разных человека. Тэыль с Ынсопом знакомы с детства, они вместе росли, как брат и сестра. Между Нарю и Ынсопом тоже что-то намечалось: Тэыль чувствовала, что эти двое видят друг в друге нечто большее, но в развитии их романтических отношений не было никакого прогресса. Наблюдать за этой парочкой со стороны было забавно, поэтому Тэыль решила не говорить Нарю правду о подмене. Учитывая, сколько лет они друг друга знают, неудивительно, что странное поведение Ынсопа вызвало у Нарю вопросы.

Подумав об этом, Тэыль занервничала и попыталась притвориться, что не понимает:

– Ынсоп? Подозрительный? Понятия не имею, о чем ты.

– Тебе не кажется, что что-то в нем изменилось? Выглядит как-то стремно. И что это за новая прическа? Ужас.

– Да, вкус у тебя ни к черту, подружка, – немного помолчав, пробубнила себе под нос Тэыль.

Покачав головой и отпив глоток кофе, она направилась к их столику. Тэыль поставила перед Ёном заказанный напиток, однако он немного помедлил, прежде чем принять его.

– В следующий раз давай лучше в отеле встречаться, – заявила Тэыль. – А то, глядя на тебя, Нарю вообще отдалится от Ынсопа. Ладно, рассказывай, зачем позвал.

Ён, не понимая, о чем говорит Тэыль, покачал головой, а после протянул ей статуэтку в виде быка, выполненную из чистого золота. Это Гон научил его так выживать в Республике Корея.

– Сможешь это продать? Его Величество сказал, что ты знаешь место, где за это можно выручить кругленькую сумму.

– Да, знаю я один ювелирный. Столько всякой всячины туда относил, что владелец теперь считает меня продажным полицейским. Ладно, одним больше, одним меньше, продам эту штуку тоже, но взамен ты позволишь мне жить в номере отеля. Мне же нужно какое-то укрытие на время расследования.

– Но Его Величества здесь нет.

– Зато есть ты. Что собираешься делать с вырученными от продажи статуэтки деньгами?

– Мне нужны средства, чтобы спокойно передвигаться по городу. Мне необходима машина.

Это означало, что Ён планирует получить водительские права. Однако он ну никак не тянул на гражданина Республики Корея – Тэыль с самого момента знакомства это поняла. Без лишних вопросов она взяла золотую статуэтку и распродалась.

Из кафе Тэыль направилась прямо к себе домой, чтобы переодеться. Зайдя в квартиру, она сняла пальто и, повесив его на вешалку, внезапно замерла: она вспомнила, что в этом самом пальто впервые посетила Корейскую империю. Тэыль осторожно сунула руку в карман и достала оттуда снимок, который прихватила втайне от Гона, – мгновенное фото, сделанное в фотоателье во дворце Кёнбоккун. На нем она ярко и широко улыбалась, одетая в подаренное Гоном пальто.

«Что же меня так заинтересовало и развеселило?» – подумала Тэыль.

Она подошла к столу. Сев за него, вытащила из ящика тщательно спрятанную купюру Корейской империи номиналом сто тысяч вон. Гон на банкноте, одетый в императорскую мантию с изображением дракона, всем своим видом олицетворял величие империи, но при этом выглядел как великодушный правитель.

«А ведь было время, когда я воспринимала эти бумажки как обычные рекламные флаеры», – подумала Тэыль.

Самой себе не веря, она улыбнулась и, сложив купюру пополам, поместила ее рядом со своим снимком. Это был единственный способ представить их парой.

– А у нас ведь ни одной совместной фотографии нет, – с досадой произнесла Тэыль.

Гон не дал никаких обещаний относительно следующей их встречи, поэтому Тэыль безумно скучала, сгорая от одиночества.

«Вокруг подстерегает столько опасностей, мне бы хоть краем глаза тебя увидеть, только бы убедиться, что с тобой все в порядке», – думала Тэыль.

Но не было никакой возможности связаться с Гоном, нельзя встретиться с ним, и даже совместного снимка на память не осталось. Глядя на собственное изображение и купюру с лицом Гона рядом, Тэыль представляла, что они счастливы вместе, как настоящие влюбленные, и так смогла хотя бы немного заглушить боль расставания. С каждым днем становилось все тяжелее коротать одинокие ночи без Гона.

* * *

Синджэ шел по улице, но перед небольшим магазинчиком с уличной едой, где готовили токпокки, внезапно остановился. Атмосфера этого места напомнила ему детство с Тэыль. Счастливые времена, когда они могли спокойно есть токпокки, поддевая их деревянной палочкой, и не думать о насущных проблемах, весело дурачиться и смеяться. Воспоминания казались далекими, будто подернутыми дымкой. Они все больше похожи на иллюзию, как и воспоминания о жизни Кан Хёнмина, долгое время приходившие Синджэ во снах.

– Ты взял отпуск, чтобы съездить сюда? – отчетливо произнес женский голос за спиной Синджэ.

Он развернулся и увидел перед собой Тэыль. Они почти каждый день встречались вне стен полицейского участка, с тех пор как стали работать вместе. Однако сейчас все изменилось. Возможно, впервые они не виделись несколько дней подряд. И похоже, Синджэ скучал по Тэыль. Ему с трудом удавалось скрывать свои истинные чувства.

– Что ты здесь делаешь? Тоже взяла отпуск?

– Почему на звонки не отвечал? Ты хоть представляешь, сколько дней я караулила тебя здесь?

– Хорошо тебе. Как я посмотрю, времени свободного хоть отбавляй.

Синджэ поспешно расплатился за токпокки, развернулся и пошел дальше по улице. Тэыль немедля последовала за ним.

– Ты спрашивал меня в тот раз, насколько много я уже успела узнать.

Синджэ почти бежал, но после этой фразы резко замедлился.

– История из разряда научной фантастики. Хочешь ее услышать?

– Давай как-нибудь в другой раз обсудим. Не хочется портить себе отпуск.

Синджэ понимал, что однажды ему придется это услышать, однажды придется столкнуться с суровой реальностью и принять происходящее: от судьбы не убежишь. Лицо маленького Джихуна, изображенное на надгробной фотографии, было в точности таким же, как и лицо мальчика, плач которого он слышал и видел во снах. Теперь стало ясно, что тем мальчиком был Гон. Одно лицо – два имени. Все как и в случае с Синджэ и его ночными кошмарами. Однако даже разобравшись во всем, он не мог признаться Тэыль, что на самом деле человек, которого она знала со школы, не Кан Синджэ, а Кан Хёнмин.

Тэыль схватила Синджэ за руку, пытаясь увести за собой.

– Ты знал, что Ли Сандо жив? – быстро выпалила она, не зная, что Синджэ тоже связан с этим именем. – Между Ли Сандо и Чан Ёнджи есть связь: они оба держали по два телефона. Знаешь почему?

Тэыль и не подозревала, что Синджэ уже давно известен ответ: это была та самая история, которую он старательно пытался игнорировать. Приоткрыв рот и придав лицу максимально глупое и наивное выражение, Синджэ посмотрел на Тэыль ничего не понимающим взглядом.

– Есть другой мир, в котором живут люди с такими же лицами, как у нас. Я была там. Совершенное преступление затрагивает интересы обоих миров, но я не могу ничего доказать. Кто-то должен остановить убийц, и, сколько бы я ни думала, кроме тебя в голову никто не приходит. Прошу, помоги мне.

«Когда я спрашивал, как много она знает, то никак не ожидал, что Тэыль зашла так далеко и даже успела побывать в том мире», – подумал Синджэ.

Назад дороги нет. Как бы ему ни хотелось повернуть время вспять, это было уже невозможно. Давний кошмар, преследовавший его в снах, превратился в реальность, а реальность начала казаться сном.

«Если это сон, – подумал Синджэ, – то пусть он будет вечным, я не хочу просыпаться».

– О чем ты... Это же какая-то фантастика, полная бессмыслица. Какой еще другой мир? Где? Приди в себя, – грубо и жестко, на одном дыхании выпалил Синджэ, пытаясь скрыть свои эмоции и переживания.

Он развернулся и пошел прочь, не в силах больше терпеть раздирающую изнутри душевную боль. Тэыль оставалось лишь смотреть вслед Синджэ, убегающему от нее как от огня. Похоже, ему нужно еще немного времени, чтобы принять правду.

Мастерская, знавшая лучшие времена, насквозь пропахла маслом. Ли Рим в рабочей одежде сосредоточенно смешивал краски. Он взял красноватый пигмент, напоминающий цвет крови. В Республике Корея Ли Рим часто посещал буддийские храмы, где расписывал стены традиционными орнаментами или восстанавливал старые, выцветшие рисунки. Так он гнал от себя скуку, отсиживаясь в ожидании своего часа. Ли Риму нравилось расписывать стены: ему казалось, будто он пишет свою новую историю поверх полустертой многовековой.

Вошел Чоёль, и Ли Рим нехотя отвлекся.

– Ты нашел телефон? – спросил Ли Рим, не соизволив даже повернуть головы.

Слуга нахмурился. Он ходил в следственный изолятор к Чан Ёнджи, пытался припугнуть ее, но так и не выяснил, куда же она спрятала свой сотовый.

– Все еще ищем. Сейчас пытаюсь раздобыть важную информацию о новом деле, – помявшись, ответил Чоёль.

Этот ответ явно был не тем, что хотел услышать Ли Рим. Со свирепым выражением лица он повернулся к Чоёлю. Слуга смутился и постарался перевести тему. Он начал рассказывать, как вчера вечером встречался с водителем, приглядывающим за Сон Джонхе. От него он услышал кое-что интересное.

– Есть новости насчет Кан Синджэ. Я узнал, что он побывал в колумбарии, где покоится прах сына Сон Джонхе. И полицейским, приходившим с проверкой в хоспис, тоже был Кан Синджэ. Кроме того, я узнал, что это Чон Тэыль арестовала Чан Ёнджи. Она тоже сейчас ищет ее сотовый телефон.

Кан Синджэ и Чон Тэыль. Эти двое изрядно раздражали Ли Рима. Он нервно приподнял одну бровь. Ли Рим уже много лет перемещался между Республикой Кореей и Корейской империей в поисках людей, желающих кардинально изменить свою жизнь, и присматривал за теми, кто согласился с ним сотрудничать. К ним он приставлял человека, обязанного следить за ними и снабжать Ли Рима фотографиями. Одним из тех, кого Ли Рим поменял местами с двойниками, был Синджэ, а Тэыль часто мелькала на фотографиях рядом с ним. Из-за этих двоих нервы Ли Рима были натянуты как струна.

– Эх, Кан Синджэ, я сделал неверный выбор. И Чон Тэыль... Этой фигуры не было на доске.

– Не беспокойтесь, Ваше Высочество, я первым найду телефон. Может, проще будет убить обоих и закопать где-нибудь в лесу?..

Прежде чем Чоэль успел договорить, руки Ли Рима уже вцепились ему в шею. Испуганный слуга стонал и сопротивлялся. Изо всей силы Ли Рим оттолкнул Чоёля. Тот налетел на бочку с горящими дровами, бочка с грохотом перевернулась, а дрова покатались по полу. Чоэль лежал в холодном поту, окруженный тлеющими поленьями, не осмеливаясь поднять голову и даже дышать. Без Ли Рима жизнь бедного слуги стала бы невыносимой мукой, он потерял бы богатство и власть, приобретенные благодаря его господину. Ли Рим обладал способностями, которые другим людям, таким как Чоэль, даже и не снились. Он мог перемещаться между мирами, останавливать время. Чоэль вскочил и поклонился. Ли Рим снял рабочие перчатки и бросил их в догорающие на полу дрова.

– Избавься от Чан Ёнджи и больше ничего не делай. Мне снова нужно уйти.

Ли Рим нахмурился. В ушах все еще звучал голос Гона и слова, сказанные им.

– Думаю, мой дорогой племянник уже все понял.

Но это уже не имело значения. Ли Рим улыбнулся и взялся за рукоять своего черного зонта.

* * *

Боль в плече, терзавшая Гона прошлой ночью, осталась как печальное напоминание о пережитом. Он похлопал себя по плечу со смешанными чувствами. Не имело смысла говорить о записях с камер видеонаблюдения из будущего.

«Интересно, как бы среагировала Тэыль, впервые увидев своего двойника?» – спокойно размышлял Гон.

Услышав стук в дверь, он быстро убрал руку с плеча и пригласил человека войти. Это был Хопиль.

– Ваше Величество, это по поводу книжного магазина, который вы поручили мне найти. В стране нет книжного, зарегистрированного под названием «Хэсон». Я обыскал все – от интернет-магазинов до магазинов подержанных книг, нет ни одной зацепки.

Гон промолчал.

Закончив, Хопиль передал Гону флешку и уточнил:

– Здесь все записи с открытых мероприятий, что вы просили.

- Молодец. Проверь еще среди закрытых. И продолжай поиски книжного.
- Слушаюсь, Ваше Величество.

Как только Хопиль ушел, Гон начал просматривать записи с камер видеонаблюдения. Он анализировал. Если Ли Рим действительно перемещается то в Республику Корея, то в Корейскую империю, он наверняка присутствовал на одном из мероприятий, а значит, просто обязан был хотя бы раз попасть на пленку. Прошло долгих двадцать пять лет, все подданные империи до сих пор помнят о его страшном преступлении, но вот лицо предателя из памяти многих уже стерлось.

Гон сосредоточился на экране монитора. Он проверял записи с каждого мероприятия, в которых участвовал: соревнования по академической гребле, день, когда он выступал на форуме математиков, похороны отца капитан Чхве Гитэ, день баскетбольного матча. Гон внимательно изучал ролики. Он не сомневался, что семидесятилетний старик не сможет затеряться среди множества молодых лиц.

Погрузившись в работу, Гон даже не заметил, как село солнце. Раз за разом он пересматривал записи, снова и снова отматывая на начало. Однако, сколько бы ни смотрел, ни одного старика найти не удалось. Он не мог понять, как это возможно.

Гон уткнулся лицом в стол, подложив под лоб ладони. От перенапряжения голова раскалывалась.

«Я точно что-то упустил. Уверен, он следит за мной, но почему не попал ни на одно видео? Почему?»

Гон неожиданно вспомнил слова Тэыль: «Значит, находясь в пространстве между мирами, ты не стареешь?»

Путешествуя между мирами, Ли Рим проходил сквозь измерения, из-за чего останавливалось время. А значит, глупо искать его в образе старика. Озаренный этой мыслью, Гон резко выпрямился.

Он снова включил видео с похорон. Пристально вглядываясь в экран и рассматривая каждого человека, в какой-то момент Гон нажал кнопку паузы.

– Но это... это невозможно, – прошептал Гон.

На видео попали десятки людей, но среди них был один высокий мужчина в фетровой шляпе, выходящий из здания церкви. Гон узнал в нем Ли Рима. За все эти годы он ничуть не постарел, его лицо осталось в точности таким же, каким Гон запомнил его в ту роковую ночь. Несмотря на все попытки, забыть тот кошмар было невозможно.

Гон вскочил. Он понял, что Тэыль была права: Ли Рим остановил время, проходя через врата между измерениями.

«У Ли Рима есть свои врата. Как я мог упустить этот момент? – подумал Гон. – Необходимо срочно их найти, только так мне удастся его остановить».

Гон бросился в конюшню. Вскочив на Максимуса и взявшись за поводья, он спешно погнал коня к бамбуковому лесу. Как только он подъехал к двери между мирами, она сразу же отворилась и перед Гоном открылся межпространственный мир, где нет ни времени, ни ветра, ни начала, ни конца. Только маленький красный воздушный шар одиноко висел в воздухе, все на том же месте, где Гон когда-то его отпустил.

В этот раз он поскакал в противоположном направлении. Часы в пути, а края нет. Казалось, этот мир действительно бесконечен. Но Гона это не остановило.

Он должен добраться до края, должен найти там ворота Ли Рима, нарушающего баланс между двумя мирами. Должен узнать секрет, что хранят врата, разобраться со всем, чтобы поскорее вернуться к Тэыль.

* * *

Дама Но молилась, поливая чистой водой чандоктэ². Она просила одного: чтобы Гон вернулся домой целым и невредимым. В прохладном утреннем воздухе разлетался ее голос словами из поэмы Ким Соволя.

«Белопенный отлив. Сумеречный дым.
А я у дверей постою, подожду.
Уж скоро рассветет и растает луна.
Не нарушит тишины пения птиц.
В трепещущих лучах новой зари
Я каждому путнику загляну в лицо.
Вы тот человек?
Человек тот – вы?³»

* * *

Тэыль в который раз пришла в бамбуковый лес. Покрытый тьмой и продуваемый насквозь холодным ветром, он казался ей до боли знакомым. Без всякой мысли Тэыль засмеялась.

Среди густо растущих деревьев возвышались два больших обелиска. Это была та самая дверь, пройдя через которую Тэыль оказалась в мире Гона. Казалось, что с того дня прошла целая вечность, а Гон все никак не возвращался.

«Вот что значит просто ждать, не имея возможности что-либо сделать», – думала Тэыль.

С тех пор как они встретились и их судьбы переплелись, Тэыль смело встречала все испытания, посланные вселенной. И поскольку сердце ее стало мягче и нежнее, вечность в ожидании убивала ее, а тоска прожигала душу. Ведомая своими заветными желаниями, она снова и снова приходила сюда, в лес. Но ни разу ворота не приоткрылись ни на тончайшую щелочку. Почему, ну почему вместо обычных отношений с долгими разговорами по телефону, гуляниями под ручку, смехом и поцелуями ей каждый день приходится рисковать жизнью и бороться с судьбой?

Кончик носа начал замерзать.

– Хватит, уходим отсюда, – горько пробормотала Тэыль сама себе.

Пора было возвращаться.

Уже собираясь уходить, она заметила что-то красное вдалеке. Тэыль удивленно обернулась и попыталась рассмотреть предмет. Это был маленький красный воздушный шарик, плывущий в воздухе, тот самый, который Тэыль видела в межпространственном мире.

Издали донесся стук лошадиных подков. Вдруг показался силуэт белого коня, а на нем сидел Гон.

И сразу все потеряло свое значение: невероятные события, что произошли с Тэыль после встречи с Гоном, все ее горести и сомнения. Не произнося ни слова, Тэыль терпеливо ждала, когда всадник приблизится к ней. Увидев ее, Гон немедленно остановил коня. Он никак не ожидал встретить здесь Тэыль.

² Чандоктэ (###) – возвышенное место, на котором расставляют чаны для хранения соевого соуса.

³ Ким Соволь. Лирика / Пер. с корейского Ким Рехо и Эдуарда Балашова. – М.: Первое Марта, 2003.

– Что ты... – заговорил было Гон, но Тэыль прервала его.

– Ты здесь? Ты наконец-то пришел? Почему вернулся только сейчас?

Вся в слезах, не в силах больше терпеть, Тэыль бросилась к Гону. Он соскочил с коня и сразу же обнял девушку. Объятия их были настолько же сильны, насколько глубока была их тоска друг по другу.

– Ты ждала меня здесь?

– Ты правда пришел! – снова воскликнула Тэыль.

В ответ Гон обнял ее еще крепче. Он хотел удержать ее и боялся упустить драгоценное время.

Гон уткнулся лицом в шею Тэыль и тихо произнес:

– Я пока не могу вернуться совсем. Безумно по тебе соскучился. Думал, что умру. До смерти хотелось снова услышать твой голос.

Запах кожи Тэыль успокоил Гона. Он прошел долгий путь, пытаясь преодолеть бесконечность. Много часов он был один на один с пространством, мечтая услышать голос любимой, и вот она здесь.

– Мой голос?

– Я собирался позвонить тебе с телефона-автомата.

Монета, которую Гон вынул из кармана, осталась у него еще с первого приезда в Республику Корея.

Тэыль рыдала в его объятиях. Она так долго сдерживала свои эмоции, но при виде Гона сломалась. Она так к нему привязалась, это было сладко и болезненно.

Слезы Тэыль разбивали Гону сердце. Своими большими ладонями он обхватил щеки девушки, и ее маленькое лицо утонуло в его руках.

– Хочу лучше рассмотреть тебя. У меня осталось мало времени.

От его слов у Тэыль по телу пробежала дрожь. Близился Новый год, и Гону необходимо было вернуться в Корейскую империю до того, как начнется обряд. Он не мог надолго оставить дворец пустым, а потому подумал, что увидится с Тэыль хоть на пару минут, чтобы просто услышать ее голос. Но так совпало, что она уже ждала в лесу. Это выиграло им немного времени для теплых объятий. Гон низко склонил голову, их лица сблизились. Было очевидно, что Тэыль измучена.

Но время неумолимо, и вот уже пора снова расставаться. И чем сильнее утешала радость от встречи, тем печальнее было прощаться. Сердце Гона разрывалось, он хотел остаться, но не мог. Он ненавидел себя за то, что им все время приходилось расставаться, ненавидел за то, что не хватало времени на Тэыль, за то, что нужно было вернуться. Как и сказала Тэыль, парень из него действительно никуда не годный.

Гон нежно поцеловал Тэыль в заплаканные глаза и искренне попросил прощения за все. Тэыль отчаянно хваталась за воротник пальто Гона.

Кроны деревьев шелестели в ночи, будто сражаясь между собой. Ветер, насквозь пронизывающий бамбуковую рощу, заунывно пел влюбленным прощальную песнь.

Глава 5. Багряный Новый год

На берегу моря, неподалеку от дворца, стоял седовласый старец. Принц Пуён молчаливо наблюдал за волнующимся морем и мерно разбивающимися о каменный берег волнами. В предрассветные часы темно-синие морские глубины казались черными, будто поглощенными кромешной тьмой. И только где-то вдалеке, где занимался новый день, потихоньку разгорался алый свет.

Почувствовав рядом чье-то присутствие, принц Пуён оглянулся: кого привела к нему судьба в столь ранний час? По берегу шел Гон. Он приблизился к принцу и заботливо накинул ему на плечи одеяло. От одного взгляда на одинокого старика сердце Гона сжималось, а на губах проступала улыбка, полная грусти и печали.

– Каждый год вы приходите сюда без всякой договоренности, – произнес вдруг принц, прервав молчание.

– И каждый год я встречаю здесь вас, словно о встрече мы все-таки условились заранее, – ответил ему Гон.

– Вы уже нашли какие-нибудь ответы на свои вопросы?

– Я нашел некий символ, но его сложно назвать ответом на мои вопросы, скорее наоборот, поэтому я в замешательстве.

– Уверен, что вы сможете со всем разобраться. С юных лет вы всегда добивались поставленной цели.

Гон сдержанно кивнул и обратил свой взгляд в сторону моря.

Всматриваясь вдаль, словно желая увидеть за пределами горизонта, он многозначительно спросил:

– Дядя, верите ли вы в судьбу?

– Для человека, поднаторевшего в естественных науках, этот вопрос представляет какую-то сложность? – слегка усмехнувшись, ответил принц Пуён.

– Все не так просто. Всех людей можно разделить на две категории: тех, кто бежит от своей судьбы, и тех, кто бросает ей вызов. Стоит ли и мне вступить в этот поединок?

Принц Пуён мило улыбнулся. За его плечами огромный жизненный опыт, поэтому в глазах Гона он всегда выглядел мудрым и рассудительным человеком. Это давало императору надежду, что уж он-то точно сможет дать дельный совет, навести на правильный ответ.

– Весь смысл жизни – в неизвестности: никогда не знаешь, что готовит день грядущий. Но если есть что-то, к чему вы готовы стремиться, невзирая на отсутствие каких бы то ни было ориентиров, то это и есть ваша судьба. И удача при этом всегда играет решающую роль. С готовностью делая шаг, способный однажды перечеркнуть всю вашу жизнь, вы ступаете по кривой тропинке в неизвестность. Не это ли зовется судьбой?

«Шаг, способный перечеркнуть всю жизнь», – эхом отдалось у Гона в голове. Он размышлял: – Помимо того, что я император и несу ответственность за страну, есть ли еще хоть что-то, ради чего стоит рисковать жизнью? Разве только желание встретиться с таинственным спасителем и выяснить, почему он меня спас».

Но теперь у Гона был человек, ради которого он мог пожертвовать собой. Гон погрузился в раздумья. Взгляд его, устремленный на морскую рябь, будто проникал сквозь нее, в самую глубь.

Принц Пуён, заметив, как сузились глаза Гона, тихонько спросил:

– Есть ли место, куда вы стремитесь попасть?

– Да, есть, – немного помолчав, ответил Гон.

– Тогда просто плывите по течению, не нужно ему сопротивляться. Надеюсь, там, куда вы стремитесь, вам встретится прекрасная леди. В этом году вам точно нужно жениться.

Слова поддержки тронули сердце Гона. Принц Пуён и дама Но, дальний родственник императорской семьи и простая служанка, – эти двое заменили Гону родителей и единственные опекали его на протяжении всей жизни. Они не могли полностью заполнить пустоту от потери матери с отцом, но сумели окружить мальчика теплом и заботой, за что Гон был им безмерно благодарен.

– Если я найду решение, то обязательно навещу вас снова – познакомлю с одной девушкой, для которой до сих пор Земля плоская.

– Да уж. Буду ждать, Ваше Величество. Но вот и рассвет. Первый в этом году.

Там, где море сливалось с небом, появился краешек восходящего солнца. Ослепительно яркие алые лучи осветили седые волосы принца Пуёна.

* * *

Новый год отметили ярко – и в республике, и в империи. Синджэ встретил праздник в полицейском участке, наконец-то после долгого отсутствия вернувшись на работу, а Ён провел его в кругу семьи Ынсопа.

В империи же место Ёна занял Ынсук и, как личный телохранитель императора, в первый день нового года был вынужден приступить к работе. В главном зале дворца намечалась церемония, на которой императору в присутствии высокопоставленных государственных лиц предстояло произнести новогоднюю речь. Зал был полон: здесь собрались члены парламента, министры и другие влиятельные лица – представители различных сфер жизни и слоев общества. И вот в полном одиночестве на трибуну вышел Гон. Тысячи глаз устремились на императора. Он заговорил в привычной ему непринужденной манере, его речь звучала сильно и смело.

– Наступает новый год, исключительно важный в нашей жизни. Последнее время я много размышлял о смысле математического символа «плюс». Его можно найти повсюду: математике, медицине, религии. И в зависимости от того, какой в него вкладывают смысл, он становится символом надежды или исцеления. А кому-то придает сил в борьбе с самой судьбой.

Сорён тоже сидела в зале и слушала речь императора. Она заняла место в первом ряду, ее яркий наряд заметно выделялся на фоне классических черно-белых костюмов других чиновников. Когда Гон начал свою торжественную речь, на губах Сорён появилась улыбка. Она всегда считала его выдающимся человеком, человеком, которому, в отличие от нее самой, с самого рождения была дарована недюжинная сила и власть. И который мог бы поделиться этими дарами с ней, но точно не станет этого делать.

– Две тысячи двадцатый – год Крысы, и не простой, а очень сильной Белой Крысы. Кроме того, Крыса – первый знак восточного гороскопа, она управляет временем, защищает и ведет нас. Так же и я в новом году буду поддерживать каждый ваш шаг, каждое начинание, и пусть этот год запомнится нам всем. Желаю вам счастья и здоровья в наступившем новом 2020 году. С Новым годом!

В безмолвной тишине большого зала, полного зрителей, звучал уверенный, чарующий голос Гона. Сердца подданных Корейской империи – и тех, что слушали его в зале, и тех, что наблюдали за выступлением императора по телевизору, – были тронуты. Как только Гон закончил свою проникновенную речь, раздались шквал аплодисментов. Все радостно хлопали в ладоши, поддерживая императора, и только Сорён многозначительно ухмыльнулась.

После окончания мероприятия Гон и Сорён вместе покинули главный зал. Оказывается, поговорить с премьер-министром после празднования Нового года – отличный способ показать народу гармонию между императорской семьей и парламентом.

Император и премьер-министр шли бок о бок, а Ынсук и секретарь Ким следовали за ними.

– Великолепная речь, Ваше Величество. Меня вы тоже поддержите во всех начинаниях? – дерзко спросила Сорён.

Гон ухмыльнулся и слегка ослабил галстук, туго стягивавший его шею, напоминая о болезненном прошлом.

– Я уже говорил, что поддерживаю вас. Надеюсь, вы избрали верный путь.

В словах Гона прослеживался какой-то скрытый смысл. Повяло холодком, и Сорён осеклась. В воздухе повисло напряжение. Следовавшие за Гоном по пятам Ынсоп и секретарь Ким занервничали, Ынсоп даже потряс головой, чтобы взбодриться и не выглядеть уставшим. Однако для Гона и Сорён в ситуации, казалось, не было ничего необычного.

В Корейской империи Ынсоп имел возможность каждый день наблюдать за Гоном и оценивать его поведение. Теперь этот человек предстал перед ним совершенно в другом свете, он не был похож на того Гона, с которым Ынсоп познакомился в Республике Корея.

Неожиданно в кармане пиджака Ынсопа завибрировал телефон. Он неловко достал сотовый, по-видимому принадлежавший Ёну. Звонил человек, записанный как «Детектив Кан». Ынсоп подошел к Гону и предложил ответить на звонок, чем, естественно, вызвал замешательство на лицах премьер-министра и ее секретаря. Детектив Кан долгое время выслеживал Луну здесь, в Корейской империи. Их пути с Ёном пересеклись, когда телохранитель императора гнался за Луной, приняв ее за Тэыль. Прежде чем отправиться в Республику Корея, Ён просил детектива немедленно связаться с ним, если будут какие-то зацепки в этом деле.

* * *

Детектив Кан звонил, чтобы сообщить хорошую новость: он вычислил местонахождение Луны. Узнав об этом, Гон сразу же направился прямо в полицейский участок. Его появление повергло в шок всех присутствующих. На лицах стражей закона была паника, не зная, куда себя деть, они нестройным хором поприветствовали императора. Гон в привычной ему манере вежливо принял приветствие и, не желая терять ни секунды, спросил, где детектив Кан Джунхёк. Тот сразу же отозвался и поднялся с места.

Гон немедленно направился к детективу, Ынсоп и охранники последовали за ним. Они плотно окружили рабочий стол Кан Джунхёка.

Детектив Кан наконец подавил смущение и, собравшись с мыслями, вкратце повторил то, что пытался передать Ёну по телефону:

– Эту девушку зовут Луна. Я пробил ее по базам данных и выяснил, что до прошлой недели она еще сидела в тюрьме, но, похоже, ее уже выпустили.

Он протянул Гону фотографию Луны, сделанную после ареста. Девушка держала в руках табличку, ее лицо на фоне серой стены было плоским и безжизненным, как у бездомной кошки. Она явно отличалась от Тэыль, и Гон осознавал, что на фото совершенно другой человек, но сердце его наполнили смешанные чувства.

– Почему ее выпустили? – глухо спросил Гон.

– Кажется, она смертельно больна, поэтому ее освободили раньше. Она не отсидела срок, к которому ее приговорили. Хотите проверить медицинскую справку?

Гон, с трудом оторвав взгляд от фотографии, поднял голову и удивленно посмотрел на детектива. Новость о болезни Луны потрясла его. Такое стечение обстоятельств не предвещало ничего хорошего.

– Я бы хотел, если это возможно, конечно, встретиться с ней лично.

– Хорошо, мы найдем ее.

– И еще: обо всем, что связано с делом, докладывайте мне напрямую. Кроме того, я бы хотел, чтобы вы раздобыли информацию об этом человеке.

Гон достал и протянул детективу папку с личной информацией владельца ресторана из Республики Корея Ким Гихвана, которого он привел с собой в империю. Детектив Кан не теряя времени ознакомился с переданными документами и принялся искать информацию по базам данных. Поиски не продлились долго, однако результаты потрясли его до глубины души.

– Ваше Величество, – с трудом заговорил детектив Кан, – этот человек был сторонником предателя Ли Рима, но после побега умер: покончил с собой.

«Что и требовалось доказать, – подумал Гон. – Они крадут жизни у людей с такими же лицами. Инсценируют свою смерть здесь, перебираются в Республику Корея и живут припеваючи, выдавая себя за других людей».

Гон снова посмотрел на фотографию Луны и от злости сжал кулаки.

Его беспокоило, что у девушки обнаружили смертельную болезнь, ведь у них с Тэыль одно лицо. Если Ли Рим сблизится с Луной, то они могут попытаться вновь провернуть свою темную схему и забрать жизнь Тэыль. Лицо Гона помрачнело. Такой исход был бы ужасен.

Вернувшись во дворец, Гон в одиночестве прошел на открытую террасу перед прудом. Холодный ночной воздух на мгновение вернул его в реальность, но разум быстро затуманился. Тогда он поднял голову: над ним раскинулась прекрасная ночь, на фоне звезд мерно плыли небесные фонарики.

Эту новогоднюю традицию – фестиваль огней на Хэундэ – ввела в Корейской империи премьер-министр. Люди писали на фонариках свои пожелания и запускали в небо. Каждый небесный фонарик нес кому-то надежду.

Следя глазами за огоньками, Гон почувствовал облегчение. Огромное счастье, что празднование Нового года прошло мирно и без потрясений.

В этот момент начали падать белые снежинки. Гон невольно вспомнил их первую встречу с Тэыль. Он поднял руку и поймал одну из снежинок. От тепла его рук она сразу же растаяла.

– С Новым годом, лейтенант Чон Тэыль, – с тоской в голосе тихо проговорил Гон.

Он всем сердцем молился о счастье и благополучии для Тэыль.

Вдруг снежинки замерли. Замерли и бумажные фонарики в высоком темном небе. Глаза Гона широко раскрылись: время снова остановилось. Он ждал этого и не упустит возможности.

– Наконец-то Ли Рим перешел в этот мир.

Не теряя ни секунды, Гон оседлал Максимуса и помчался в бамбуковый лес. Стражники и Хопиль, которым было приказано охранять выход из леса и задерживать всех посторонних, вежливо поклонились императору.

– Видели здесь кого-нибудь? Кто-то выходил из леса?

– Никак нет.

– А до этого?

– Тоже никого. Мы дежурили семнадцать дней подряд, но не встретили ни души.

И снова у Гона появилось чувство, что он что-то упускает. Манпасикчок, ключ, открывающий дверь в два мира... У Гона и Ли Рима были только половинки флейты. На мгновение Гон задумался об этом, а затем понял, что напрасно так спешил к лесу.

Если бы охраны бамбукового леса было достаточно, они с Ли Римом уже давно бы встретились. Да и он мог поставить караул со своей стороны.

«Все дело в двери... Они разные», – осознал Гон.

Хопиль взволнованно посмотрел на него.

– Все было зря, – заговорил наконец Гон. – Есть ли отсюда короткий путь на Хэундэ, не проходящий через дворец?

– Дорога на ферму номер семь. Она заброшена, но...

Хопиль не договорил, как Гон воскликнул:

– Вот оно! Отправьте всю королевскую стражу на Хэундэ. Здесь больше нечего делать, уезжаем немедленно.

И он решительно поскакал прочь, даже не дослушав Хопиля.

* * *

Приказ императора вызвал бурю в пресс-службе дворца. Гон заявил, что лично поедет на Хэундэ. Поездку пришлось планировать в спешке, нужно было все подготовить к приезду императора и сделать из этого праздник. К счастью, на фестивале небесных фонариков на Хэундэ уже собралось приличное количество людей.

Проект, получивший название «Новогодняя прогулка Его Величества Императора под лунным светом», бурно обсуждался в соцсетях. Мероприятие организовывалось с целью представить публике гостя императора. За исключением самого Гона, никто понятия не имел, кого он собирается пригласить.

Всюду царило новогоднее настроение. Куда ни посмотри, везде мелькал государственный узор – цветок сливы. Трамвай, кативший вдоль улицы, был увешан гирляндами, и мерцающие огоньки складывались в слова поздравления с Новым годом. С появлением императора на сияющей огнями улице стало будто еще светлее. Когда Гон верхом на Максимусе, осыпаемый белыми снежинками, показался на переполненной аллее Хэундэ, толпа заволновалась и окружила его.

– Это Его Величество!

– Видите, говорили же, что Его Величество приедет сегодня!

– Ваше Величество!

Охранники и дворцовые служащие не подпускали людей слишком близко и старались освободить дорогу императору. Улыбка расцветала на лицах: какая удача – встретить в новогоднюю ночь самого императора.

Гон неторопливо ехал среди расступившейся толпы, провожаемый радостными приветствиями. Быстрым цепким взглядом он скользил по лицам. Если Ли Рим появлялся в Корейской империи и каждый раз наблюдал за Гоном издалека, то и на этот раз он наверняка смешался с толпой.

Ли Рим и правда был здесь. Он усмехнулся, когда Гон проезжал мимо: его маленький племянник, который отчаянно, но безуспешно пытался его поймать. Ли Рим почувствовал себя великим. Оба императора – и Гон, и его отец – были глупцами и всегда отставали на шаг. Это он, Ли Рим, держит в руках весь мир.

Гон, который уже миновал Ли Рима, вдруг остановился. Несколько мгновений он медлил, а потом повернул голову. Люди притихли, пораженные тем, что император внезапно остановился и обернулся назад, но для Гона все было ясно как день.

Наконец их взгляды встретились. Гон пристально смотрел на Ли Рима, и воспоминания становились все яснее и яснее. Но теперь он не был восьмилетним принцем, страшась взглянуть Ли Риму в лицо. Он, Гон, – хладнокровный и беспощадный император. Его глаза горели холодным гневом, и сам он выглядел свирепо, как дикий зверь. Ли Рим не шевельнулся, лишь стиснул зубы и с силой сжал в кулаке ручку своего зонта-трости.

Гон не сводил с него глаз. То же лицо, что и двадцать пять лет назад. Просматривая записи с похорон Чхве Гитэ, Гон не мог поверить, что такое возможно. Время остановилось для Ли Рима, он не старел, и его замысел был ясен: стать бессмертным, подчинить себе вечность – вот чего он хотел. И ради этого нарушил баланс двух миров, поправил их законы, загубил множество невинных жизней.

– Предатель Ли Рим!

Возглас прозвучал словно гром среди ясного неба.

Спустя мгновение по толпе покатился глухой ропот, люди зашептались, а потом загомонили:

– Что вы такое говорите?

– Кто такой Ли Рим?

– Разве мятежник не умер?

– Если бы он был жив, ему перевалило бы уже за семьдесят, не так ли?

Люди переглядывались и озирались. Уголок губ Ли Рима приподнялся, ведь именно этого он и хотел – посеять смуту. Но сейчас Гона мало волновали его цели. Не скрывая гнева, он направился к Ли Риму. Вся императорская стража внимательно следила за каждым движением императора.

В этот момент, гремя колесами, словно из ниоткуда возник трамвай и преградил Гону путь: мероприятие было незапланированным и движение в этом районе не перекрывали. Гон резко осадил Максимуса, стража стеной окружила императора. Гон сверлил глазами борт вагона: ему ничего не оставалось, кроме как с тревогой ждать, пока проедет трамвай. Наконец преграда исчезла. Ли Рим стоял все там же, неподвижный, как скала. Он улыбался, чувствуя свое преимущество.

– Это предатель. Схватить его!

Не успел Гон отдать приказ стражникам арестовать мятежника, как за спиной Ли Рима возникла группа людей, одетых во все черное. Это были наемные бандиты. Казалось, их было больше ста человек, и все они встали стеной на защиту Ли Рима.

В толпе закричали:

– Спасайтесь!

Сторонники Ли Рима хватали людей одного за другим, приставляли нож к горлу и держали как заложников. Повинуясь приказу императора, гвардейцы выхватили пистолеты и направили на предателя и его свору. Крики горожан, в ужасе разбегавшихся в разные стороны, разносились по округе. Заложники, оцепеневшие от страха, с надеждой смотрели на императора: ведь он их спасет?

Гон спрыгнул с лошади и дрожащим голосом закричал:

– Не стрелять! Безопасность людей превыше всего!

Один из наемников воспользовался хаосом и навел оружие прямо на Гона. Раздался выстрел. Но император остался невредим: Ынсоп встал на пути пули, так что она попала ему прямо в спину. Раненый рухнул прямо в руки Гону.

– Капитан! – закричал Хопиль, испугавшийся за жизнь своего командира.

Гон, сжимая в руках обмякшее тело, посмотрел на Ли Рима. Тот воспользовался ситуацией и растворился в толпе.

Ли Риму хотелось громко рассмеяться прямо Гону в лицо, но он подавил в себе это желание. Сегодня Гон потерпел поражение. Случившееся стало для него болезненным уроком: не стоит бросать необдуманных слов, ведь после придется нести всю их тяжесть на своих плечах и в своем сердце. Теперь-то Гон поймет, что ему не удастся установить за ним слежку, не удастся преследовать семидесятилетнего старика, ведь он не выглядит на этот возраст. Он тем более не сможет преследовать того, кого двадцать пять лет назад объявили мертвым, и никому не расскажет, что на самом деле происходит.

Гон был не на шутку встревожен. На улице воцарился хаос. Наемники вслед за Ли Римом растворились в толпе, убив или ранив тех, кого держали в заложниках.

– Помогите!

– На помощь, здесь человек ранен!

На запорошенный снегом асфальт капала кровь невинных людей.

«Я знал о жестокости Ли Рима, но не думал, что он готов зайти так далеко, – думал Гон. – Хотя чему я удивляюсь? Для этого зверя человеческая жизнь ничего не стоит, она всего лишь инструмент для достижения желаемой цели».

Взяв себя в руки, Гон начал действовать:

– Сообщите в полицию о случившемся и прежде всего позаботьтесь о раненых: нужно срочно доставить их в больницу.

– Есть, Ваше Величество.

– До приезда полиции вся императорская охрана должна защищать людей.

Хопиль, который собирался кинуться в погоню за наемниками, гневно стиснул зубы:

– Но тогда преступники...

– Нет, мы не будем их преследовать. Больше никаких жертв. И немедленно соберите все записи с камер видеонаблюдения в радиусе одного километра. Если какие-то видео просочатся в сеть, удалите их любой ценой.

Получив приказ, Хопиль беспрекословно бросился его исполнять.

Гон посмотрел на Ынсопа, который лежал у него на коленях, и попытался привести его в чувство:

– Ынсоп, очнись! Чо Ынсоп...

«Разве за этим я привел тебя сюда? Чтобы ты вот так просто умер? Прости...»

Множество мыслей роилось в голове Гона, сожаление навалилось тяжелым грузом. И только снежинки продолжали как ни в чем не бывало спокойно кружить на ветру.

* * *

К счастью, пуля не нанесла серьезных ран, поэтому Ынсоп в скором времени должен был поправиться. Гон облегченно выдохнул и схватился за грудь: сердце щемило.

– Его спас бронезилет. Переломов нет, жизненно важные органы не задеты. Но есть признаки повреждения мышечной ткани и связок, поэтому, думаю, ему нужно полежать в больнице недельки две, а мы сделаем все возможное, чтобы он побыстрее восстановился, – сказал врач, осматривавший Ынсопа.

Лечащим врачом был назначен профессор Хван, ученик самого принца Пуёна.

Выслушав мнение профессора, Гон понимающе кивнул и обеспокоенно спросил:

– А что с другими пострадавшими?

– Мы обработали раны. Сейчас они в стабильном состоянии. Ваше Величество, вы правда в порядке? Дама Но звонит нам каждые пять минут.

– Я в порядке. Прошу, позаботьтесь о пострадавших.

– Мы сделаем все, что в наших силах, вам не о чем волноваться. Мне пора идти.

Когда профессор Хван ушел, Ынсоп заговорил с Гоном в своей обычной манере, как бы поддразнивая:

– Рева-корова. Слушай, раз ты так переживаешь, почему бы тебе не принести мне консервированных персиков или чего-то в этом роде?

На душе у Гона стало легче.

– Ты правда в порядке? Это был настоящий пистолет. Ты мог в самом деле умереть.

– А как иначе? Ён сказал костями лечь, но защитить Его Величество. Обещал сделать то же самое для моих мелких.

Гон ничего об этом не знал. Он был безмерно благодарен Ынсопу за его поступок и, конечно, Ёну, хоть того и не было рядом в момент опасности. Так много людей, готовых с риском для жизни защищать императора, но может ли он сам уберечь их всех? Сегодня Ли Рим был прямо перед ним, а Гон ничего не смог сделать. Он упустил его.

– Теперь-то ты согласен, что я заслуживаю звание несокрушимого меча? – спросил Ынсоп, широко улыбаясь.

Гон медленно кивнул. Раздиравшие душу беспокойство и страх постепенно начали утихать, но мысли вновь и вновь возвращались к Ли Риму. Почему он так жаждет бессмертия? Как бы там ни было, назад пути нет, теперь он просто обязан его поймать. Необходимо восстано-

вить равновесие между мирами, которое нарушил Ли Рим. Теперь ему следует быть храбрым не только ради себя, но и ради всех тех, кто нуждается в его защите.

– Ты, несомненно, несокрушимый меч. Спасибо, что спас меня, – тихо проговорил Гон.

* * *

Вся Корейская империя стояла на ушах: в Пусане, в районе Хэундэ, произошла перестрелка с участием мятежника Ли Рима, до сих пор считавшегося мертвым. Событие просто не могло не привлечь всеобщего внимания, и споры вокруг него не собирались утихать. После инцидента имя Ли Рима стало едва ли не самым частым поисковым запросом в браузерах. Люди делились рассказами очевидцев, но доказательств не было, и многие сомневались в подлинности этой истории.

Покинув больницу, Гон вернулся во дворец. В кабинете его ждала секретарь Мо. Вид у нее был встревоженный.

– Ваше Величество, звонит премьер-министр, ждет вашего ответа.

Учитывая, какой поднялся шум, странно было бы ожидать, что до премьер-министра не дойдут новости о случившемся. Несмотря на его приказ блокировать распространение любых видеозаписей, что-то, видимо, просочилось в сеть. После минутного молчания Гон взял телефонную трубку.

– Премьер-министр Ку, если вы звоните узнать, как мои дела, тогда поговорим позже.

– Мне уже сказали, что вы в порядке. Воистину невероятное облегчение это слышать. Полагаю, вы сейчас в полном смятении, поэтому я готова сделать все, что в моих силах, чтобы помочь. Ваше Величество, империя также и моя страна, и, как премьер-министр, я должна защищать безопасность своего народа. Разговор не займет много времени.

– Что такое?

– Теория заговора быстро набирает обороты, имя Ли Рима у всех на устах. Поэтому я хочу задать вам вопрос из чистых побуждений. Надеюсь, вы будете честны. Это правда был мятежник Ли Рим или его последователь?

Гон глубоко вздохнул.

Очевидно, что это был Ли Рим. И в то же время не Ли Рим. Вот почему он мог спокойно разгуливать по Корейской империи, не привлекая никакого внимания. И Гон не понимал, с чего вдруг Сорён начала задавать такие вопросы. Ищет способ загнать Гона в угол? Очередная уловка: припереть его к стенке, а потом протянуть руку помощи и просить за это награды. Амбиции Сорён всегда претили Гоню: они напоминали одержимость Ли Рима.

– Премьер-министр, вы уже начали посещать уроки верховой езды?

– Что, простите?

– Удила – это связующее звено между лошастью и наездником. Я хочу сказать, что никто не должен тянуть удила и менять ход лошади, – спокойно и ясно произнес Гон. – То, что сегодня произошло, затронуло не только императорский двор и меня, императора. Это был акт террора. Как записано в хронике, Ли Рим был застрелен спустя год после мятежа. И сегодня, спустя двадцать пять лет, я обнаружил его последователей и противостоял им.

На том конце провода было слышно лишь молчание.

– Премьер-министр Ку, заклинаю вас, не тяните удила. И не используйте «честность» как оружие. Я надеюсь, что вы сосредоточитесь на обеспечении безопасности народа империи.

С этими словами Гон повесил трубку и повернулся к секретарю:

– Вы уже готовите официальное заявление? Этой информации достаточно?

– Да, Ваше Величество.

Секретарь Мо немедленно покинула кабинет. Когда дверь за ней закрылась и Гон остался один на один с собой, он тяжело оперся на нее, сопротивляясь нарастающему гневу.

На следующий день ранним утром репортеры устремились в зал для проведения пресс-конференций, где секретарь Мо ясно изложила события прошлой ночи. Она также уточнила, что, хоть Его Величество Император назвал человека мятежником Ли Римом, тот мужчина был лишь последователем предателя, но никак не самим Ли Римом, так как он давно мертв и никак не мог вдруг ожить. Под конец она заявила, что в данной ситуации совершенно неважно, что побудило последователей предателя снова заявить о себе, – императорская семья выследит их всех до одного, и они предстанут перед судом.

Казалось, на пресс-конференции прояснилась позиция императорской семьи, но общественное мнение смутила вся эта история. Не последнюю роль в раздувании скандала сыграли депутаты оппозиционной партии, именно они щедро сеяли семена раздора.

На этот раз депутаты от оппозиции намеревались навестить принца Пуёна. Их кровь бурлила: перестрелка в первый же день нового года, последователи мятежника Ли Рима, объявившие впервые за двадцать пять лет.

– Все из-за этой самодовольной Ку Сорён. Говорил я вам четыре месяца назад, что давно пора сместить ее с поста, – заявил один из политиков.

Все они были обеспокоены безопасностью Его Величества, но каждый из них был не прочь захватить власть, а потому поддерживал принца Пуёна, ведь он второй в очереди на императорский престол.

Принц Пуён старался не вмешиваться в политику. Он испытывал добрые чувства к императорской семье и часто разговаривал с юным Гоном на всевозможные темы, во многом благодаря ему Гон стал милосердным правителем и сумел утвердить мир в Корейской империи. И все же призванием принца было преподавать, он любил своих студентов и никогда не помышлял о захвате власти. И потому не мог не возразить на дерзость оппозиционных политиков.

– Самый старший в королевской семье не я, а Его Величество. Остальные члены императорской семьи и подданные должны лишь исполнять его волю! Сколько раз можно вам повторять? Выметайтесь вон из моего дома сейчас же!

Наткнувшись на столь решительный отпор, чиновники замолчали и переглянулись. В этот момент в комнату вошел дворецкий и сообщил принцу о прибытии Его Величества:

– Ваше Высочество, Его Величество здесь.

Гон вошел в комнату вслед за дворецким. Испуганные чиновники повскакивали со своих мест, выпрямились и поклонились императору. Гон посмотрел на них как на пустое место и молча прошел дальше в комнату.

Чиновники поспешили покинуть помещение, и, пока последний из них не ушел, принц Пуён от волнения не находил себе места. Гон же, осматриваясь в комнате принца, заметил его семейную фотографию.

– Не поймите неправильно, Ваше Величество, – начал было принц Пуён. – Они пришли без предупреждения.

– Все в порядке, – ответил Гон спокойным тоном и указал на фотографию: девушка на ней широко улыбалась.

Это была дочь Ли Сынхока – старшего сына принца Пуёна, а значит, его внука.

– У Сэджин все хорошо? – поинтересовался Гон.

– Да, она окончила ординатуру и присоединилась к нам в качестве научного сотрудника. Хотя она до сих пор немного неуклюжая.

– Сэджин со всем справится, не о чем беспокоиться.

Гон повернулся и посмотрел прямо в глаза принцу Пуёну. На его лице читалась тревога. Этот человек лучше прочих был осведомлен о событиях прошлой ночи и знал, что гуляющие по стране слухи, возможно, и не слухи вовсе.

– Вопрос: справлюсь ли со всем я?

– Ваше Величество... Неужели...

– Да. Мятежник Ли Рим все еще жив. И он не постарел ни на день за эти двадцать пять лет.

Принц Пуён остолбенел. Это была реальность, которую они оба ожидали, но никак не хотели принять. От одной мысли о Ли Риме в душе Гона вскипал гнев.

На этот раз ему удалось сохранить самообладание и спокойно произнести:

– Поэтому я вынужден снова покинуть дворец на несколько дней. Необходимо срочно выследить предателя. И встретимся мы с ним... не в Корейской империи.

Гон подумал о двери между измерениями, где нет ни начала, ни конца, ни ветра, ни самого времени. Он не желал повторения событий прошлой ночи и новых жертв. Поэтому, прикусив губу, продолжил буквально умоляюще:

– Поскольку вы второй в очереди на престолонаследие, вы должны оставаться во дворце. Ради меня и Корейской империи. Ваша безопасность превыше всего.

– Ваше Величество, вы не можете гнаться за ним в одиночку. Я не могу позволить вам так рисковать.

– Понимаю, вы беспокоитесь, но уверяю вас, я могу позаботиться о себе. И вы должны поступить так же. Защитите себя. Это приказ императора.

Гон принял решение, и он был непоколебим. Лучше, чем кто-либо другой, он знал и понимал значение иероглифов, выгравированных на мече, и принимал их. Принцу Пуёну оставалось лишь повиноваться.

– Слушаюсь. Сделаю, как прикажете, Ваше Величество.

Глава 6. Рискуя жизнью

В просторном номере отеля, погруженный в свои мысли, у окна стоял Ён. Звук хлопнувшей двери и шагов вернули его в реальность. Он ждал Тэыль одну, но вошедших было двое. Ён обернулся и встретился взглядом с Синджэ. Не ожидая увидеть здесь Ёна, Синджэ тоже остановился и насторожился.

– Думалось мне, ты придешь одна, – заносчиво произнес Ён.

– А мне думалось, что вы оба свалили, – раздраженно парировал Синджэ.

Тэыль пожала плечами и поспешила прояснить ситуацию:

– Этот остался. Нашему научно-фантастическому сюжету нужны вы оба. Так что возражения не принимаются.

Синджэ и представить не мог, как Тэыль была счастлива, что он наконец решил открыть сердце для правды. Она посмотрела на Синджэ: лицо у него было напряженное, но Тэыль отчего-то стало спокойнее. Она прошла через всю комнату, как будто у себя дома, и отдернула занавески. Что ж, панорамные окна вполне способны заменить доску. Тэыль быстро маркером набросала основные моменты: справа – Республика Корея, слева – Корейская империя, а между ними два прямоугольника – межпространственные врата Танганджиджу. Прикрепила фотографии Ли Сандо, Чан Ёнджи и Ким Гихвана, а также отметила хоспис в Янсоне, подробно рассказывая Синджэ, над чем работала все это время.

– Ли Сандо отправился в Корейскую империю из республики. – Тэыль переместила фотографию Ли Сандо со стороны Республики Корея на сторону Корейской империи. – И, кажется, Чан Ёнджи тоже собирается уйти в империю.

– Ким Гихван пришел в республику из империи, но его отправили обратно, – добавил Ён.

– У всех были телефоны, работающие в сетях 2G. Телефон Чан Ёнджи еще не найден.

Сначала заедем в тюрьму.

Синджэ внезапно указал на фотографию Ким Гихвана:

– То есть ты имеешь в виду, что вы забрали его обратно в империю?

– Да, мы вернули его туда, где он должен быть.

– Кто вам дал право это решать? Без вести пропавший – та еще головная боль, – закричал Синджэ в ответ на упрямое сопротивление Ёна.

– Закон здесь помог бы с ним разобраться?

– Вы забрали его, чтобы судить? Что он сделал? Незаконно эмигрировал?

– Разве закон моей страны к тебе не относится? – резко возразил Ён.

Пораженный Синджэ машинально посмотрел на Тэыль, чтобы оценить ее реакцию. У Тэыль, еще не знавшей всей правды о личности Синджэ, от удивления округлились глаза.

С сомнением качнув головой, она спросила:

– О чем вы говорите?

– Когда поедем к Чан Ёнджи? – быстро спросил Синджэ.

Ён, наблюдавший за этой сценой, решил тихонько ретироваться и предложил сходить за кофе. Тэыль подозрительно посмотрела на обоих, но ответа так и не дождалась.

Сейчас лучшее, что могли сделать Тэыль и Синджэ, – это найти телефон Чан Ёнджи. Придя к этому выводу, они покинули номер отеля, а Ён вновь остался один, только на этот раз в компании всех этих записей на окне. С помрачневшим лицом он вглядывался в имена и фотографии.

Расследуя дело Синджэ, Ён как-то наведлся к нему домой и встретил там знакомое лицо. Мать Синджэ была точной копией одной из придворных дам, которую он видел во дворце. Это следовало учесть. Ёну казалось, будто картина наконец начинала прорисовываться. Он продолжал следить за матерью Синджэ и выявил неожиданную взаимосвязь: мать Синджэ в

прошлом была знакома с матерью Ли Джихуна – Сон Джонхе. Та помогала им с переездом, когда семья Синджэ покидала особняк в Пхёнчхандоне.

Ён снова взглянул на окно и дописал еще два имени: Кан Хёнмин – на половине Корейской империи – и Кан Синджэ – на половине Республики Корея.

* * *

Тэыль сидела напротив Чан Ёнджи в тюремной комнате для свиданий. Синджэ стоял за спиной Тэыль, скрестив руки на груди. Итак, они снова встретились, но Чан Ёнджи, как и при первом допросе, сохраняла полную невозмутимость, как будто ей было нечего бояться. Однако Тэыль чувствовала, что все нужно перепроверить заново: наверняка они что-то упустили. На вопрос о 2G-телефоне Чан Ёнджи не моргнув глазом заявила, что ничего не знает.

– У тебя было два телефона: один – смартфон, а второй – из поколения 2G-связи.

– Не понимаю, о каком телефоне идет речь.

– Все ты понимаешь. – Тэыль пустила в ход припрятанный в рукаве туз – телефон, найденный в лавке Ли Сандо. – Это же твой?

Как только она достала его, маска невозмутимости Чан Ёнджи разбилась вдребезги: она думала, что хорошо его спрятала и никто его не найдет, но вот он здесь.

Тэыль подловила момент замешательства и продолжила давить:

– По нему вам сообщали информацию, которую не должны были знать другие, но твоя соседка случайно это услышала, поэтому ты убила ее так, как написано в сценарии. Ты была уверена, что в тюрьме надолго не удержишься. Верно? Так откуда телефон?

Потрясение было настолько сильным, что в голове у Чан Ёнджи помутилось. Она пыталась и дальше все отрицать, но голос ее дрожал.

– О чем вы... Я уже сказала, что понятия не имею, чей это телефон.

Теперь Тэыль не сомневалась, что у Чан Ёнджи имелся тайный телефон. И это было прямым доказательством ее причастности к темным делам Ли Рима. Тэыль и Синджэ переглянулись и быстро вышли комнаты для свиданий.

– Похоже, мы на верном пути. Нам удалось обмануть ее, подсунув телефон Ли Сандо, но мы до сих пор не знаем, где она спрятала свой. Точно не дома. Мы нашли там только зарядное устройство... Ты меня слушаешь?

Похоже, Синджэ мыслями был в другом месте. Про-следив за его взглядом, Тэыль увидела машину, выезжавшую со стоянки.

– Что, знакомая машина?

Синджэ задумался. Модель была популярной, но вот лицо водителя что-то ему напомнило. Да, точно. Однажды, когда они сидели в ресторане с руководителем Паком и ели мясо, он видел этот автомобиль с этим человеком за рулем.

– Кажется, я уже видел ее. Мне надо съездить в участок.

Синджэ быстрым шагом направился к машине, Тэыль последовала за ним.

В участке Синджэ первым делом пошел пробивать регистрационный номер машины: 7370. Она числилась в угоне, хозяин пропал без вести.

Открывая упаковку доставленного ранее пибимпаба в горшочке, Тэыль спокойно сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.